

Юлия
Шилова

Мужчинам
не понять,
или
Танцующая
в одиночестве

«Сейчас я не хотела
собой владеть. Я хотела только
обладать».

Юлия Витальевна Шилова
Мужчинам не понять, или
Танцующая в одиночестве

ООО «Издательство Астрель», 2004, бумажный вариант
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160968

Мужчинам не понять, или Танцующая в одиночестве: ООО «Издательство Астрель»; Москва;
2004

ISBN 5-17-013515-7

Аннотация

Богатая вечеринка в «новорусском» загородном особняке завершилась КОШМАРОМ. В дом ворвались преступники – и через минуту в гостиной уже не было НИКОГО ЖИВОГО. Никого – кроме молоденькой женщины, чудом избежавшей смерти... Ее считали дорогой «игрушкой», украшением жизни состоятельного мужчины. Ее холили и лелеяли, как породистую кошку. Но когда пришел «край», когда до гибели стало подать рукой, – дорогая игрушка превратилась в СИЛЬНУЮ ЖЕНЩИНУ, способную спасти не только свою жизнь, но и жизнь ЛЮБИМОГО...

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юлия Шилова

Мужчинам не понять, или Танцующая в одиночестве

От автора

Я совершенно не ломала голову по поводу названия этого романа. Его подсказала мне сама жизнь. Как правило, в жизни всегда получается так, что мужчины совершенно не понимают женщин, а женщины редко понимают мужчин. Я никогда не понимала мужчин. Ни их сущность, ни их поступки. И все же... Все же я благодарна мужчинам за то, что они научили меня быть готовой всегда за себя постоять. Они научили меня быть свободной, независимой и даже недосыгаемой. Только после опыта общения с мужчинами я смогла создать свою собственную крепость, в которую, при желании, я всегда смогу закрыть дверь. Именно мужчины научили меня любить свое прошлое и свое настоящее. Они научили меня не стыдиться того, что я делала, и не жалеть о том, что я уже не смогу многое сделать. Именно мужчины помогли мне обрести настоящую гармонию с миром. Они научили меня быть довольной собой и всем, что меня окружает. И это оказалось так просто! Я отдала мужчинам свою молодость и свою красоту, теперь я отдаю им свою мудрость и свой опыт – самое лучшее, что у меня есть, потому что теперь для меня они не только мужчины, они еще и мои читатели.

И все же несмотря на то что мы, женщины, зачастую не понимаем мужчин, они в нас очень сильно нуждаются, они нас любят. Именно мужчины считают нас высочайшим творением Бога, которое наделено пороками дьявола. Они ищут в нас тепло и утешение, каждый из них поклоняется своему идеалу. Именно они делают нас робкими, как легкий дождь, и сильными, как удары грома. Несмотря ни на что, мы любим мужчин, а они любят нас. Так получилось, что сейчас я живу в придуманных мирах придуманных людей и... считаю эту жизнь вполне настоящей. Когда я пишу, я никогда не изучаю и не анализирую свою жизнь, это жизнь отражается на страницах моего романа и изучает меня. Каждый раз, когда я пишу свой роман, мне кажется, что он последний, и тогда я выкладываюсь до конца. Я пишу не для всех. Я пишу для каждого. Вдохновение приходит отовсюду. И конечно же от того, что на этом свете есть такие странные и непонятные существа, как мужчины. Мое вдохновение напоминает крошечные сверкающие камушки, которые я кладу на ладонь, вглядываюсь в них, а потом переносу на чистые листы бумаги.

Этот роман я хочу посвятить тем мужчинам, которые меня поняли. Их не так много, но они есть. Они мои издатели. Я в высшей степени благодарна им за их бесконечную поддержку, за то, что они постарались меня понять, уделили мне должное внимание. Благодаря им я забываю про изнурительные часы работы и продолжаю совершать удивительное путешествие по стране Фантазии. Эти люди – фундамент, на котором покоится мое творчество, и я знаю, что только с ними смогу осуществить свои мечты.

Сергей Макаренков. Яков Михайлович Хелемский. Александр Иванов.

Самый светлый уголок моего сердца всегда будет принадлежать вам. Я искренне благодарна за интерес, который вы проявили как к моей личности, так и к моим романам. Благодаря вам, то удовольствие, которое я испытываю, создавая роман, испытывают и мои любимые читатели, когда берут в руки мои книги.

Тысяча благодарностей Сергею Макаренкову. Я перед ним в огромном долгу – он не раз помогал мне неоценимыми советами. Спасибо за его бесконечную поддержку и долготерпение...

Всегда ваша

Юлия Шилова

Пролог

Я вновь посмотрела на книгу, лежащую на моих коленях, и поняла, что смотрю на одну и ту же страницу уже ровно час. Смотрю и не читаю. Наверно, это происходит оттого, что я нахожусь в каком-то странном оцепенении. Я закрываю глаза и всматриваюсь в свою душу, полную скорби. Я напрягаю слух и начинаю слушать тишину. Я сижу в своей квартире одна. Уже много лет... Ни голоса, ни друзей, ни надежды... Я провожу рукой по своей щеке и ощущаю на ней шрам, тот шрам, который я получила в далекой молодости. Это память о моей красоте, моей свободе, память о том, что я очень сильно любила себя и знала себе настоящую цену. Когда мою щеку рассекли на две половинки, я подумала, что это конец, потому что моя внешность всегда была моей визитной карточкой, благодаря своей внешности я имела власть над мужчинами и могла жить так, как считала нужным. Этот шрам оставил тот, которого я не любила, который не смог меня покорить, поставить на колени. Мужчина никогда не сможет поставить меня на колени. Меня можно только убить. Я делала пластику, но так и не смогла от него избавиться. После всего, что произошло, шрам остался не только на моей щеке, он остался в моей душе. Навсегда. И все же... Все же я научилась жить со шрамом, не сломалась. Я наносила на него тональный крем, румянец и закрывала его волосами, хотя не считала его изъяном, наоборот, он был моим достоинством. Я получила его за красоту, а как известно, природную красоту ничем не испортишь, даже большим шрамом через всю щеку...

Правда, теперь, когда годы уже давно взяли свое, меня больше не заботит моя внешность, мне наплевать на то, как я выгляжу.

В последнее время я очень часто думаю о смерти, и мне страшно представить, что, когда я умру, ничего не изменится. Мир будет существовать точно так же. Ведь я ничто. Никто даже не заметит моего исчезновения, никто не будет по мне тосковать, не будет меня оплакивать. Чувство абсолютного одиночества и страшная мысль о смерти парализуют меня. Я чувствую, что просто устала жить. Холод безразличия железными объятиями сковал мою душу. В этой жизни я успела многое. Я очень сильно страдала. Я очень сильно любила. Я очень многое отдала своим надеждам и своим желаниям, а что касается мужчин, я отдала им всю себя. Без остатка. Я отдала им все, буквально все, что у меня было. И вот... я осталась одна. Каждый год уносил что-то из моей души, постепенно опустошая ее. Теперь ничего не осталось. Я очень часто вспоминаю свое прошлое и никогда не думаю о будущем, наверное потому, что его просто нет.

Временами я вспоминаю того, кого я очень сильно любила. Его породистое лицо. Его мелкие ровные белые зубы. Его высокий лоб. Его голос и его смех. Его такую родную морщинку у губ. Его поворот головы, движения, его слишком уверенную походку. Он был ни на кого не похож. Ни на кого... Я не видела его много лет. Достаточно для того, чтобы успеть позабыть, но я не забывала и понимаю, что именно его ждала все эти годы. Фактически не было дня, чтобы я не думала о нем. Ни одного дня, чтобы я не чувствовала его рядом. Иногда я беру в руки заколку, усыпанную изумрудами, которую он мне подарил, представляю, что он рядом, и начинаю с ним разговаривать, будто он находится со мной в одной комнате и внимательно меня слушает. Как всякая женщина, которая потеряла своего любимого, я живу воспоминаниями и уже давно привыкла к этому. Мне было очень трудно научиться жить без него. Господи, как же мне было трудно. Мне было трудно научиться жить, ни на кого не опираясь и ни на кого не надеясь, ведь с тем, кого я очень сильно любила, я была защищена. Он с радостью взвалил все мои трудности на свои плечи. Я по-прежнему верна его памяти и бесконечно верна своим чувствам. Он был моим спасательным кругом посреди беспокойного океана жизни. Я была с ним по-настоящему счастлива и ценила каждое мгновение, которое

он мне дарил. Когда я думаю об этом человеке теперь, спустя столько лет, вспоминаю, как была счастлива тогда, мне хочется отблагодарить его за то, что он дал мне это самое счастье, но я понимаю, что прошло слишком много времени, я уже не могу это сделать.

Когда я включаю телевизор и там говорят, что любви нет, я злюсь, потому что ЛЮБОВЬ ЕСТЬ, И Я САМА ЕЕ ВИДЕЛА. Она очень красивая, она очень жертвенная, но она очень сумбурная, ускользающая, поэтому ее нужно крепко держать в руках. Уж я-то знаю, что в жизни каждой женщине обязательно выпадает шанс встретить свою судьбу и быть по-настоящему счастливой. Только этим шансом нужно уметь воспользоваться. На долю каждой женщины, независимо от возраста, выпадает счастливая карта – встреча с человеком, с которым не будет страшить повседневность, с которым будет легко и комфортно. Любовь – это вечная борьба. За любимого человека нужно бороться. Но для меня уже все в прошлом... Я тоже боролась за свою любовь, но остановилась на полдороге, наделала слишком много непоправимых ошибок. Однажды я поняла, что даже самые сильные чувства не могут спасти союз двоих, если эти двое находятся на грани. Я испытала слишком много чувств, слишком много их оттенков. Я испытала всепоглощающую любовь, захватывающую страсть, чувство соперничества, ощущение ненужности, заброшенности... Я все это прошла. Все это мне очень хорошо знакомо, но я выстояла. Я смогла. И победила. Не достигла конечной цели. Говорят же, что любовь – это бег на длинную дистанцию. Говорят. Но я сошла с этой дистанции. Я сошла, несмотря на то что у меня открылось второе дыхание. Вернее, я даже не сошла, я резко остановилась. Я схватилась за сердце, упала прямо на беговой дорожке, когда до цели оставалось совсем немного, и тогда я поняла, что это крах.

Тот, кого я очень сильно любила, больше всего на свете любил мои глаза. Он говорил, что в них живут звезды, что в них отражается сама жизнь. Ему нравилось мое живое лицо. Теперь оно совсем другое. Оно изрезано глубокими морщинами и не выражает никаких чувств. Оно будто окаменело, когда я поняла, что осталась одна. Вернее, нет, сначала оно было мокрым от слез. Когда же не стало и слез, оно приобрело выражение этого странного спокойствия. Мои глаза больше не светятся жизнью, в них видна смерть. Они глядят жестко и не смягчаются даже тогда, когда я подкатываю свою инвалидную коляску к окну, раздвигаю шторы и смотрю на играющих во дворе детей... Эти глаза никогда не искрятся. Ни о чем не спрашивают, никого не зовут. В них нет ничего. Ни прежней жажды жизни, ни полета фантазии, ни зова о помощи.

Ко мне не подходит даже такое выражение, как «состарилась». Я не состарилась, я стала слишком старой. Нет, не так. Я стала через чур старой и через чур дряхлой. Глядя на меня, трудно прочесть тайну пережитого мною. Но она есть. Я сознательно выбрала одиночество, отвергла то, ради чего живут люди. А они живут ради любви, ради дружбы, ради детей. Поверьте, очень тяжело сознательно выбрать одиночество. Уж я-то знаю, о чем говорю. Я прожила долгую счастливую и одновременно несчастливую жизнь. Одиночество – это убежище сильных. Нужно замкнуться в своей броне и отречься от мира.

Я никогда не смотрю на себя в зеркало и не люблю смотреть фотографии своей молодости, а если смотрю, то смотрю их, крепко стиснув зубы. Какая я была в молодости? Ну пусть не в молодости, пусть хотя бы лет тридцать назад? Я умела любить, я умела властвовать, я знала, что сила женщины в ее слабости, и еще я была опьяняюще женственна, трогательно стыдлива и умела привязывать даже глазами. Я была разной. Я всегда была разной. Мои губы могли молить и одновременно усмехаться. Мои глаза могли плакать и одновременно смеяться. И если я любила, то мужчины воспринимали мою любовь как дар, независимо от того, насколько я смогла им ее дать – на час, на день или на всю жизнь. Я познала муки ревности и горечь раскаяния и старалась не отравлять свою жизнь тем мелким и будничным, чего так сильно боятся женщины.

Я поднесла руку к груди и услышала, как сильно бьется мое сердце. Недавно я узнала о том, что мне отпущено совсем немного. Сердце... Оно никогда не принадлежало мне. Оно всегда принадлежало тому, кого я так сильно любила. Оно его, до последнего удара, до последней капли крови... Хотя между мною и тем, кого я любила, всегда была пропасть. Но я перекидывала через нее мост и шла по этому воздушному мосту с доверием. А он... У мужчин все по-другому. Женщины строят воздушные мосты, идут навстречу, а мужчины грубо их сталкивают. Прямо в бездну... И в этой бездне тонет любовь. Навсегда. Безвозвратно. И все же женщины настолько сильны, что находят в себе силы выбираться из этой пропасти. Они понимают, что все позади, все прошло, и теперь они свободны. Они, наконец, понимают, что ничего не вечно.

Отношения должны развиваться или умереть. Люди должны причинять друг другу боль. Если они перестали причинять друг другу боль, значит, пройдена определенная грань, и это конец. А затем они заводят новые отношения, которые становятся освежающим душем после бессонной ночи. Конечно, не все. Некоторые выбрасывают из своей жизни то, что привело их к негативному опыту. Свои ошибки, свои страхи, свои тревоги. Они понимают, что в них есть что-то такое, что не удовлетворяет мужчин, а еще они понимают, что можно прожить и без них. Нет, они не ведут монашеский образ жизни, просто привыкают к мысли, что вряд ли им суждено найти мужчину, с которым рука об руку можно пройти весь жизненный путь. Они становятся весьма прагматичными и прощают своих бывших возлюбленных. Их сердце всегда свободно. По крайней мере от обид, это уж точно.

Если говорить о моем отношении к любви, то мне кажется, что любовь дает людям возможность сформироваться. Любовь всегда связана с болью, которая нам помогает познать себя. В любви можно и совершенно забыть о себе, а можно очень сильно любить и не разрушать собственного мира. Все, что мы переживаем, дается нам свыше.

Я снова потрогала свое лицо, маску, под которой спрятаны, вернее, нет, похоронены все мои надежды на любовь и счастье.

Я часто думаю о том, как повел бы себя мой любимый, увидев меня прикованной к инвалидной коляске, спустя столько лет, узнав о том, что тогда я осталась жива. Иногда мне кажется, что он примчался бы в ту же минуту, как только услышал мой голос. Он встал бы передо мной на колени, обхватил бы мою коляску руками... В его лице было бы столько мольбы, столько горечи. Он бы положил голову на мои колени и зарыдал... то ли от счастья, то ли от горя. А иногда мне кажется, что он посмотрел бы на меня с нескрываемым презрением и со словами: «Лучше бы я никогда не знал о том, что ты осталась жива» — навсегда ушел из моей жизни. Когда эта мысль пронзает меня, я чувствую страх, мое отчаяние растет. Но я бы его поняла, если бы он поступил так. Я бы не была оскорблена. Все осталось в далеком прошлом. В прошлом, где мы были когда-то счастливы. Где трепетало мое сердце, где его руки смыкались на мне железным кольцом, а в моем сердце распускались красочные цветы. Нам не нужны были слова. Мы понимали друг друга по трепету пальцев, по беглой улыбке... На моей душе долгие годы лежит камень и даже не верится, что когда-то я была счастлива.

Я уже давно смирилась с мыслью, что мой любимый давно не мой любимый и что мое добровольное затворничество означает, что мы окончательно расстались. Он все реже и реже снится мне по ночам, и я уже почти не вздрагиваю, когда смотрю на фотографии нашей с ним молодости. Он был слишком трогательным, слишком влюбленным. Он умел так нежно и одновременно так страстно меня обнимать, а его пальцы так искусно исполняли глиссандо на моих ягодицах... Он любил, когда я надевала ярко-зеленое платье и закалывала волосы заколкой, усыпанной настоящими изумрудами. А еще он любил смотреть, как я отплясываю чечетку. Особенно когда я делала это в каком-нибудь баре, на людях. Он хлопал, не жалея ладош, ревел от восторга, и как только я вновь надевала тонюсенькие шпильки,

нес меня на руках до машины. Нет, мне не было с ним легко и весело, и у нас не все было празднично, но все же нам было очень хорошо друг с другом, он не был похож на других мужчин. В любых отношениях, с любым мужчиной я постоянно чувствовала себя лишней и совершенно чужой, а с ним нет. С ним я не была лишней. Если он был мрачен и неразговорчив, я не придавала этому особого значения и не донимала его вопросами, потому что прекрасно понимала, что даже любимый мужчина имеет право на хандру, и это право я никогда не должна отнимать. Я отдыхала с ним душой. Именно отдыхала, потому что в отношениях с другими мужчинами моя душа совершенно не знала отдыха. Ей постоянно приходилось трудиться, и она могла надломиться в любой момент. Ему было достаточно на меня посмотреть, взять меня за руку, и я уже была готова упасть в его объятия. У нас было слишком много романтических вечеров с зажженными свечами, бурных ночей и трогательно нежных рассветов. Спустя годы, я упрекаю себя в том, что я не смогла дать этому мужчине счастья. Не смогла...

Моя душа всегда была сильной. Она умела бороться с холодом, которым веет от мужчин. Он единственный, кто давал мне тепло и говорил о том, что наше будущее в нашей любви. Он говорил, что его жизнь принадлежит только мне. Он считал, что я совершенно не знаю, что такое настоящая жизнь. Он ошибался. Он ошибался, потому что я сделала все возможное для того, чтобы он так думал. Чтобы сделать ему приятное, я играла роль слабой женщины, хотя очень быстро уставала от этой роли. Я не мешала ему быть моим другом, моим защитником. Он говорил, что многие завидуют сильным женщинам, хотя кидают в них комья грязи. Когда он ловил этот мой взгляд сильной женщины, ему становилось страшно. Мужчины редко понимают женскую душу, даже самому любящему мужчине это не по силам.

Я не люблю вспоминать тот день, когда я первый раз в жизни села в инвалидное кресло и поняла, что рухнула вся моя жизнь, что я буду сидеть в этом кресле до последнего своего часа. Сначала я безутешно плакала, а затем я почувствовала, что у меня больше нет слез. И я впала в протрацию. Я сидела у окна, тупо смотрела во двор, но ничего не видела. Вернее нет, не так. Я видела прежние дни. Я видела прошлую жизнь и его, того, кого я очень сильно любила. Прошное еще живо, а настоящее уже, увы, не переделаешь. У меня своя жизнь, а у него своя. Мы поневоле стали какими-то призраками, и уже ничего не изменишь. Прошное не вернуть, и я даже не пытаюсь за него цепляться. Живы только воспоминания, да и я жива только этими воспоминаниями.

Закурив сигару, я поправила седую, белую как снег, упавшую на лицо прядь волос и вспомнила как он, тот, которого я никак не могла забыть, брал мое некогда молодое и красивое лицо в свои ладони и касался его своими теплыми и влажными губами. Он заставлял меня ощущать себя самой ценной и самой хрупкой вещью на свете, я чувствовала, что от него исходит свет. Этот свет был такой чистый и такой ясный, как дождевая вода, и такой притягательный...

Я перевела взгляд на подоконник и задержала его на книге Цицерона «Умение стареть». Эту книгу я купила для того, чтобы понять, как можно спокойно встретить старость, вернее даже не встретить, а победить ее. Удалось ли мне это? Не знаю. Тяжело встречать старость в инвалидной коляске. Тяжело... У других людей моего возраста все протекает гораздо легче. Они сидят на лавочках, нянчат внуков, беспокоятся за детей. У них есть заботы, печали, потери, радости. У меня ничего этого уже нет. Я смотрю в окно на проходящих мимо пожилых людей и откровенно им завидую. Они не позволяют времени их обгонять, идут с ним в ногу. Они не прячут ни свои седые волосы, ни морщины, их сердца по-прежнему молоды. Жизнь – это выбор, все в руках того, кто ее проживает. Все в наших руках, только в наших. И наше счастье, и наше несчастье. Я всегда считала себя женщиной с исключительной судьбой. Всегда. Но настал день, когда я потеряла свою исключительность, закончилась увлекательная пора моей жизни. А ведь когда-то я могла решить любую проблему, бороться с любыми

трудностями и... неплохо общаться с мужчинами. У меня было много головокружительных романов. Когда каждый из них подходил к концу, я впадала в отчаяние и жила только потому, что должна жить. Я вновь искала убежище. Искала руки, которые смогли бы меня удержать, и душу, которая смогла бы меня согреть. Я искала человека, который смог бы меня удивить и открыть для меня что-то новое.

Можно верить в новую счастливую жизнь и в шестьдесят, и в семьдесят, и в восемьдесят... Можно быть красивой в любом возрасте. Можно почти не меняться и можно всегда блистать. Красивая женщина с возрастом становится еще красивее. Она словно дорогое вино, которое с каждым годом становится еще ценнее, еще желаннее, еще дороже. Такие женщины могут все. Они не приемлют самоуспокоенности и постоянно работают над собой. Они смотрят на себя в зеркало без снисходительности и до последних дней борются с возрастом. Они не скрывают свой возраст. Даже если им под семьдесят, они безупречны, обаятельны и живут с девизом – влюбиться никогда не поздно.

Я говорю про других женщин и не отношу это к себе, потому что уже давно привыкла к мысли о том, что я не женщина, я калека. Но я еще не забыла, что такое настоящая женственность. Я все помню. Все... Буквально все... Я еще помню ту смесь чувственных компонентов, от которых она расцветает. Я хорошо это помню. Я хорошо помню то время, когда я могла очаровывать мужчин. Я не успела их познать до конца, на это жизнь отпустила мне слишком мало времени. Но все же я знала много мужчин. Многие из них были слишком скупы. У них была широкая распахнутая душа и напрочь закрыт бумажник. Они охотно расставались со своим сердцем, но только не со своими деньгами. Они дарили свою любовь, скупясь при этом подарить даже скромный букетик цветов. Другие были слишком эгоистичны и привыкли только брать, ничего не давая взамен. Они держались за свою независимость руками и ногами и при слове «брак» впадали в настоящую истерику. Мне всегда казалось, что такие мужчины перенесли какую-то душевную травму, поэтому стали убежденными холостяками. И все же они были намного жизнерадостнее женатых мужчин, из них получались неплохие любовники. Когда я встречалась с женатыми, играла роль любовницы, мне очень быстро надоедала такая роль.

Господи, даже не верится, что было время, когда я имела успех у мужчин! Да еще такой, который под силу не каждой женщине! Я всегда умела дать почувствовать свою значимость, и от этого мужчины становились просто ручными. Я была профессиональной обольстительницей, но теперь от этого не осталось даже следа. А вообще мне в жизни везло, и этим везением я была всегда обязана мужчинам. Именно мужчины дали почувствовать мне мое превосходство.

Я никогда не делала мужчинам плохого. Я просто с ними играла, увлекала за собой в такое далекое, но такое приятное путешествие под названием Любовь. И все же даже сейчас у меня осталось какое-то странное чувство вины перед мужчинами. Хотя никому из них я ничего не должна, да и они ничего не должны мне. Я просто хотела сделать их счастливыми, но не могла. Точно так же, как и они. Они хотели осчастливить меня, но у них тоже ничего не получалось. Ничего... После того как угасал какой-нибудь роман и я расставалась со своим очередным возлюбленным, я старалась привыкнуть к мысли, что вновь осталась одна. Сейчас в моем сердце только тот, о котором я никогда не смогу забыть.

Я докурила свою сигару, дотянулась до подоконника, взяла лежащую на нем медицинскую карту, бегло ее полистала и положила на прежнее место. Врачи сказали, что мне осталось немного. Совсем немного. Говорят, что перед смертью больной человек имеет право на последнее желание. Так вот, оно у меня есть. Я хочу увидеть Его. Я очень сильно хочу увидеть Его.

Я подкатила свое кресло к телефону и сняла трубку. Голова закружилась, почти помутился рассудок. Загудело в ушах, в горле образовался ком.

Я нашла его телефон несколько дней назад. Вернее, не нашла, мне его принес детектив, которого я наняла для того, чтобы он нашел того, которого я очень сильно любила.

...Он вдовец. У него есть дети, внуки, и, по-моему, он счастлив. Счастлив потому, что у него есть близкие. От одной этой мысли можно быть по-настоящему счастливым. Детектив принес мне фотографии – тот, кого я так любила, гуляет со своими внуками в парке. Он конечно же постарел, но ему так идет седина. Он уже давно на пенсии и по вечерам играет во дворе в шахматы с такими же пенсионерами, как он сам. У него есть молодая любовница, которая приезжает к нему пару раз в неделю и остается до самого утра. У него есть все, что должно быть у мужчины его возраста, но у него нет меня. Каждое воскресенье он ездит на кладбище, кладет цветы на мою могилу и даже представить себе не может, что я жива, что я живу не так далеко, правда, под другой фамилией и другим именем, что на все эти годы я закрылась в своей квартире, потому что так было надо, у меня не было другого выхода. Я не хотела, чтобы он увидел меня калекой. Ведь он не смог бы меня бросить, а это была бы уже не любовь. Тогда у него не было бы детей, внуков, в которых он не чает души, он стал бы пожизненной сиделкой у женщины, которую когда-то любил...

Когда на том конце провода сняли трубку, я чуть было не потеряла сознание и произнесла глухим голосом:

– Сергей?!

– Да, я вас слушаю.

– Сергей?!

– Да, это я. Говорите.

– Это ты, Сергей?!

– Это я.

– Это Нина.

– Кто?!

– Сергей, это Нина.

– Простите, какая Нина?

– Та самая, которую ты когда-то похоронил и к которой ты каждую неделю едешь на кладбище. Это Нина из твоей далекой молодости.

– Что?! Это глупая шутка!!!

– Это не шутка, Сергей. Мне осталось совсем немного. Я бы хотела с тобой попрощаться. Записывай адрес...

Глава 1

Я наклонилась над раковиной и долго плескалась в холодной воде, чтобы пылающее лицо перестало гореть от ярости и унижения. В ушах стоял голос моего мужа: «Нина?! Как ты сюда попала?! Что случилось?! Почему ты не позвонила?! Какое право ты имела приезжать ко мне на работу?! Это совсем не то, что ты думаешь?!»

Идиот, разве можно так говорить?! Что я могла подумать, увидев, как он тискает в своем кабинете голую секретаршу?! Их страсть была такой сильной, что они позабыли закрыть дверь на ключ. До смерти перепуганная секретарша забилась в истерику и смотрела на меня таким затравленным взглядом, будто это были самые последние минуты ее жизни, а мой не менее испуганный муж принялся натягивать на себя штаны, забыв про валяющиеся на полу трусы...

– Дорогой, извини, что помешала тебе нормально потрахаться и обломала твой кайф, просто у меня к тебе неотложное дело. Наверно, я не вовремя... Извини еще раз.

– Нина, стой!!!

– Ладно, я сейчас уйду, а вы продолжите! Дорогой, не забудь про средства предохранения, ты же женатый человек, в конце концов.

– Нина, это совсем не то, что ты думаешь!!!

Я усмехнулась:

– Конечно, дорогой, это совсем не то... Это совсем не то... Это просто голимый секс!

Господи, кто б только знал, как же мне было тошно и противно! Я пулей вылетела из кабинета и села за руль. Не знаю, как я смогла доехать до дома в таком состоянии и не вляпаться в какую-нибудь аварию. Сунув голову под буквально ледяную воду, я попыталась успокоиться, но никак не могла с собой справиться, рыдания с нарастающей силой вырывались из моей груди. Застать мужа с секретаршей после того, как мы прожили всего один год... Неужели мужчины все на одно лицо?! Бросаются при первом удобном случае за каждой юбкой, совершенно не думая о близких людях... Разве я заслужила к себе такое отношение?! А ведь на свадьбе мой муж во всеуслышание заявил, что я самая сексуальная женщина в его жизни, что именно со мной он познал то, что должен познать настоящий мужчина, что он никого и никогда так не желал и что он никогда не будет мне изменять, потому что измена равносильна предательству.

Слегка успокоившись, я налила себе полстакана виски, собралась с духом и выпила до самого дна. Я почувствовала, как обожгло мой желудок, но мне стало значительно легче.

Сегодня мой муж, мой любимый мужчина, вытер об меня ноги, и я не могу понять, как мне жить с этим и что мне после этого делать. Разводиться? Но ведь мы живем только год! Развестись – значит согласиться с тем, что я потерпела поражение и согласна отдать своего мужа вертлявой и хищной секретарше. Остаться с ним жить и сделать вид, что ничего не произошло?! Значит, дальнейшие измены будут сходить ему с рук и дальше, и он будет топтать меня все больше, пока окончательно не затопчет. Закрыть глаза и простить?! Значит, отказаться от своей гордости и запрятать свое достоинство в самый дальний угол души.

А может, дело не в муже? Может, дело во мне? Я подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на свое отражение. Зареванное лицо, красные глаза и... все же это лицо очень красивое, а в глазах не угас блеск. Я всегда была очень ухоженной, тщательно следила за своей внешностью. Никаких замусоленных халатов, бигудей и прочих атрибутов жены, от которых так устают наши мужчины. Другие женщины вообще за собой не следят, и их любят до конца жизни. Не пойму, почему же именно со мной произошло такое?!

Дотянувшись до телефона, я позвонила своей сестре Марине, которая жила в другом городе. Я не могла не выговориться. Марина внимательно меня выслушала и произнесла

таким спокойным голосом, словно ничего не произошло, одну-единственную фразу, которая чуть было меня не убила:

– И это все?!

– В смысле?! – не поняла я ее.

– Я говорю, это все, что у тебя произошло?

– А ты считаешь, что этого мало?! – Мне показалось, что еще немного, и я взорвусь.

– Мало.

– Как это – мало?!!

– Мало для того, чтобы так кричать в трубку и так убиваться, как это делаешь ты!

Подумаешь, муж загулял... Велика беда. Сейчас у каждой второй муж гуляет. Если не у каждой первой. Спокойнее к этому относиться надо. Нормальные женщины на это просто закрывают глаза.

– Вот нормальные-то как раз и не закрывают! Закрывают глаза только ненормальные! Те, у кого вообще гордости нет, которые для мужика пожизненно половым ковриком будут стелиться! Я таких женщин никогда не уважала и уж тем более не жалела, потому что жалеть их не за что. Мужчина относится к женщине так, как она ему позволяет! Как он мог загулять, если мы всего год живем?! Как?!

– Нинка, не кричи ты так в трубку. Все-таки это междугородный звонок. Может, какая-нибудь телефонистка слушает. Оглухнет запросто. Я тебе вот что скажу. Я твоя старшая сестра, а если я старше, значит, я мудрее и в жизни понимаю немного больше, чем ты. Все мы, когда выходим замуж, желаем быть единственными и неповторимыми и не хотим понять, что мы слишком тщеславны и что мужчины не виноваты в том, что им нужно разнообразие, это заложено в их природе. Почему должно соблюдаться правило, что супруг или супруга превыше всего?! Кто придумал такие условности?! Кто создал такие законы?! Ведь ты же никогда не была связана какими-то условностями! Ты всегда была свободной девушкой, пока не вступила в брак!

– Но разве в браке можно быть свободной?! Зачем тогда нужен брак?!

– Зачем вообще нужен брак – это уже другой вопрос...

– При чем тут брак и свобода?!

– В браке нужно уметь быть свободной...

– По твоей теории получается, что в браке люди просто проживают под одной крышей и что у них нет по отношению друг к другу никаких обязательств. Что они могут трахаться направо и налево, потому что так живут все и это нормально.

– Я тебе говорю совсем про другое. Если твой муж изменил тебе со своей секретаршей, это еще ничего не значит...

– В смысле?!

– В смысле того, что факт супружеской неверности еще не доказывает, что у семейной пары не все в порядке. Мужчина может иметь связь на стороне и даже кого-то любить на стороне не потому, что в семье разлад, а потому, что он испытывает потребность в чем-то тайном, в каких-то тайных отношениях. У него должны быть тайные муки, тайные радости, тайные вздыхания и как бы тебе этого не хотелось слышать, тайный секс тоже. Некоторые мужчины женятся только для того, чтобы иметь как можно больше тайн.

– Получается, что, когда они свободны, у них совершенно нет тайн?!

– Свободный мужчина не нуждается в тайнах. В них нуждается только женатый. Если мужчина женился, это не означает, что он расстался со своими прежними желаниями и привычками. Очень много причин, почему наши мужчины вступают в брак. Очень много, но это совсем не означает, что с браком мужчина меняет свой жизненный уклад. Он может поменять его в чем-то, но никогда не поменяет коренным образом. Ты, когда за своего Борьку шла, не видела, что по своей натуре он не муж, а любовник?!

– Не видела. Он же мне сам предложение сделал. Я его на себе не женила.

– Я еще на свадьбе обратила внимание на то, что он у тебя бабник. Это же ясно с первого взгляда. По твоим подругам глазами стрелял. Если он чем-то и увлечен, то это женщины.

– Ты хочешь сказать, что я вышла замуж за бабника?! – На мои глаза вновь навернулись слезы.

– Не знаю, как это называется, но твердо знаю, что твой муж очень любит женщин.

Я вспыхнула, покраснела как помидор, но, видимо, сестра решила меня добить:

– Ты видишь все в розовом свете. Пора бы уже привыкнуть к тому, что мужчины, как дети, у них напрочь отсутствует чувство ответственности. Ты для своего мужа что-то вроде красивой куклы – купил для того, чтобы иногда поиграть, поиграет, потом положит тебя в коробку и достанет снова, когда ему захочется.

– Разве я похожа на куклу?!

– Ты похожа на куклу Барби. Точно! Мне еще на свадьбе твой муж сказал, что ты похожа на куклу Барби. На красивую дорогую Барби в яркой дорогой упаковке. – Сестра немного помолчала и добавила: – Ладно, Нинка, разговор все-таки междугородный. Денег стоит. Я через пару дней в Москву приеду. У тебя остановлюсь. Тогда мы с тобой вдоволь поговорим. Пустишь?

– Марин, ну о чем ты говоришь?! Я буду очень рада, если ты приедешь. Не откладывай, ради Бога. Если бы ты только знала, как мне тебя не хватает! Если бы ты только знала...

– Тогда до встречи. Только до моего приезда не натвори, пожалуйста, каких-нибудь глупостей. Я тебя очень прошу. Постарайся закрыть на все глаза. Разозлился конечно же для приличия, чтобы ему неповадно гулять было, но только не угрожай разводом. Мужики этого не любят. Борька у тебя мужик не плохой, просто до баб охоч. Если ты его от себя отстранишь, секретарша в раз подберет. Поэтому держи ухо востро. Принимай его таким, какой он есть. Главное, что обеспечивает тебя хорошо. Диван своей задницей не протирает. Трудоголик, одним словом. Такого еще поискать надо. Он домой приедет, перед тобой оправдываться начнет, так ты прикинься дурой и сделай вид, что поверила в тот бред, который он несет. Отношения до крайностей не доводи. Вы еще только начали жить.

– В том-то и дело, что мы еще только жить начали, а уже такое произошло... Страшно подумать, что будет дальше.

– А ты и не думай. Живи одним днем и все.

– В семейной жизни нельзя жить одним днем, – отрезала я. – В семейной жизни нужно что-то планировать, строить планы на будущее. На то она и семейная жизнь. Ладно, давай. До встречи. Я тебя жду.

Помолчав, сестра осторожно спросила:

– Нина, а ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Не переживай. Под поезд не брошусь. Вены тоже резать не буду. Не сопьюсь и не стаскаюсь.

– А что ты будешь сейчас делать?

– Когда?

– Ну сейчас, когда положишь трубку?

– Ты боишься, что я что-то натворю?!

– Нет, я просто так спросила. – Марина не умела врать, поэтому я сразу поняла, что она не просто переживает, а очень сильно боится, что я могу дойти до каких-либо крайностей, которые приведут к самым негативным последствиям.

– Ты спрашиваешь, что я буду делать после нашего с тобой разговора?

– Да, спрашиваю.

– Я буду танцевать.

– Что?!

– Я буду танцевать. Ты же знаешь, я всегда снимаю стресс танцами. Кто-то снимает стресс алкоголем, кто-то наркотиками, а кто-то танцами. Все думают, что танцевать можно только от радости, но это полнейшая ерунда. Танцевать можно и от горя. Ведь когда-то меня и моего мужа соединил танец. Именно танец нас и разлучит. Я познакомилась с Борисом в клубе, где мы вместе отплясывали самбу, танго и румбу. Такие веселые, такие горячие и такие сильные... А теперь я буду танцевать в гостинной совершенно одна! Я буду танцевать для того, чтобы понять, что больше я никогда не смогу станцевать со своим мужем! И это будет самый лучший танец в моей жизни! Самый лучший!!! Жаль, что ты не увидишь! Сейчас я буду Танцующая в одиночестве! Ведь именно танец дал мне любимого и мое счастье, а теперь все это у меня и отнимет!

– Нина, ты в своем уме?!

– В своем. Не переживай. Я же тебе сказала, что все будет нормально.

Положив трубку, я включила музыку и принялась танцевать. Музыка всегда оказывала на меня магическое действие, я никогда не смогла бы без нее жить. Когда я думаю о том, что все мы смертны и что когда-нибудь я умру, больше всего меня огорчает, что я лишусь музыки и возможности танцевать. Говорят, музыка призывает ангелов, и я верю в это. Даже несмотря на то что наши близкие доставляют нам боль, жизнь восхитительна! Бог мой, как же она восхитительна!!! И если тебя предал мужчина, это еще не значит, что тебя предала жизнь и уж тем более, что она остановилась. Жизнь замечательна! Она коротка, и ее нельзя укорачивать только по той причине, что тебя предал близкий человек. Нельзя! А это значит, что нужно спешить жить! Нужно спешить! Нужно учиться быть счастливой, несмотря ни на что! Счастье женщины не должно зависеть от мужчины, иначе она может стать глубоко несчастной. Как бы банально это ни звучало, счастье женщины должно зависеть только от самой женщины! Сегодня меня предал мой муж, а я все равно счастливая! Господи, и какая же я счастливая! Я должна жить именно в этой жизни! Именно в этой, потому что я не верю в перевоплощения и в различные последующие жизни! Я верю только в ту жизнь, которою живу сейчас! Меня предал муж, человек, который клялся мне в вечной любви и верности, а я смеюсь и танцую. Это ничего, что на моих глазах слезы! Это еще ничего не значит, совсем ничего!!! Говорят, что любовь сильнее смерти, но сильнее любви сама жизнь! Наверно, сейчас я выгляжу глупо, но я смеюсь над предательством своего мужа... Да и не только над предательством, но и над ним самим! Я вспоминаю его со спущенными штанами и смеюсь! Ни черта! Ни черта я не дам стрессу одержать надо мной верх! Если не все в порядке с моим мужем, то все в порядке со мной! У меня красивое лицо, по крайней мере я верю в то, что оно красивое, а каково по этому поводу мнение окружающих, меня совершенно не волнует. У меня красивые глаза, тонкая нежная шея, шелковые волосы. А еще у меня ощущение собственной значимости, а это значит, что я живу так, как считаю нужным, и никогда не буду марионеткой в руках мужчины. Наша жизнь – бумеранг. Придет время, и мой муженек испытает то, что сегодня довелось испытать мне. Женское самолюбие – страшная штука, его лучше не затрагивать.

Я танцевала все отчаяннее и сама поражалась тому, что у меня это получается просто восхитительно. Я вспомнила то время, когда познакомилась со своим мужем и мечтала ему понравиться. Я хотела ему понравиться любой ценой, несмотря ни на что и сметая на своем пути любые преграды. У меня никогда не было недостатка в мужской любви и мужском внимании, но, когда я встретила Бориса, я поняла, что он именно тот человек, с которым я хотела бы связать свою судьбу. А ведь до этого мне казалось, что чье-то желание разделить со мной жизнь – всего лишь иллюзия, не больше... Когда Борис сделал предложение и надел мне на палец кольцо, он сказал, что с этой минуты мы заживо погребены друг в друге. Тогда

эта фраза меня напугала, и очень сильно, я приняла ее за неуместную шутку. Неуместную, потому что «погребение» можно понять и так: брак – это не что иное, как могильщик любви.

Я танцевала и не слышала ни звонки телефона, ни звонок в дверь. Я даже не сразу заметила, когда в квартиру вбежал перепуганный муж. Я заметила его только тогда, когда закончилась музыка. Как только я остановилась, Борис схватил меня за руки и нервно заговорил:

– Нина, ну как ты могла подумать?! Как ты могла подумать, что я променяю тебя на какую-то секретаршу?! Эта гадина уже давно за мной охотилась! Она сама меня совратила! Это был просто секс! Обыкновенный секс, и ничего больше! Она намеренно надевала короткие юбки и виляла передо мной своей тощей задницей. У меня к ней ничего нет. Никакого чувства. Вообще ничего. Я ее на дух не переносу! Я ее уволил.

Я посмотрела на Бориса пустым, ничего не выражающим взглядом, высвободилась из его настойчивых объятий и резко выключила вновь заигравшую музыку.

Глава 2

– Нина, нам нужно поговорить. – Борис смотрел на меня так преданно, как никогда раньше.

– О чем?

– О том, что произошло. – Его голос слегка задрожал, на лбу выступила испарина.

– А что произошло?

– Ну то, что ты видела в кабинете...

– А что я видела?!

Борис опустил глаза. Видимо, его страшно мучили угрызения совести.

– Что я видела?!

Борис молчал и по-прежнему не решался ответить на мой вопрос.

– Нина, ну прекрати...

– А, поняла... Ты по поводу того, что сегодня трахнул свою секретаршу?! Расслабься, я уже про это забыла.

– Нина!!!

– Что – Нина?!

– Нина!

– Я уже черт знает сколько лет Нина!

Бросившись к двери, я услышала жалобный голос мужа:

– Нина, ты куда?!

– Танцевать!!! – язвительно крикнула я в ответ.

– Так танцуй дома, – растерялся муж.

– Дома не могу. С некоторых пор я люблю танцевать в одиночестве!

Хлопнув дверью, я быстро сбежала по лестнице и бросилась к своей машине. Я не знала, куда именно мне ехать, но с ужасом поняв, что из дома может выскочить муж, чтобы попытаться вернуть меня обратно – а это совсем не входило в мои планы, – я включила мотор. Проехав совсем немного, я почувствовала, что я одна-одинешенька на этом большом белом свете и никому до меня нет никакого дела. Я огляделась. Вокруг меня высокие дома, просторные магазины, ходят сотни людей, которые делают покупки, разговаривают по мобильным телефонам, и им нет до меня ни малейшего дела.

Я подъехала к ближайшему супермаркету и, не выключая мотор, стала тупо, без какого-либо интереса наблюдать за выходящими из дверей магазина людьми. Я сидела одна как перст, не зная, куда мне ехать дальше, и понимая, что сейчас я еще не готова вернуться назад. Из магазина выходили люди. Кто-то был весел и не скрывал на своем лице счастливой улыбки, кто-то был сильно озабочен и нервно проверял содержимое кошелька. Кто-то был подавлен и угрюм. Я смотрела на этих людей и представляла среди них себя. Интересно, а какой бы вышла из этого магазина я?! Если бы я вышла из него сейчас, у меня были бы слишком грустные заплаканные глаза, а на мое через чур бледное лицо лучше было не смотреть.

Сегодня меня растоптал муж. Он растоптал мое самолюбие и мою душу. А ведь я его любила, боготворила, делала все возможное, чтобы мы были счастливы... Не смог устоять перед своей мужской похотью, она взяла верх над его разумом! Еще совсем недавно я тонула в его восторженных глазах, целовала его воспаленные губы, слабла в тисках его сильных и властных рук, закрывала глаза и отдавалась ему с той чувственностью, на которую только была способна и как любая женщина, считала, что я очень даже удачно вышла замуж.

Я чувствовала особенно сильную боль оттого, что понимала – я долгое время стремилась к цели, которая совершенно не стоила того. Целью этой был брак с моим мужем. И ради этой цели я сметала все на своем пути. И вот обожглась...

По-прежнему тупо глядя на выходящих из магазина людей, я нервно покусывала губы, ломала пальцы. Мне хотелось подавить бунт моего сердца, хоть как-то сдержать накатывающееся безумие.

Когда в моей сумочке зазвонил мобильный, я тут же его отключила. Я все еще была не в состоянии разговаривать со своим мужем. Мне хотелось зайти в магазин, купить бутылку спиртного и выпить ее прямо сейчас. Но я понимала, что уж если я и решила напиться, то должна это сделать не за рулем собственного автомобиля, лучше добраться до ближайшего ночного клуба. У меня было такое ощущение, будто меня пригвоздили к позорному столбу и облили грязью. Никогда не думала, что мужская измена может так ужасно подействовать на психику женщины. Пережитый стыд выворачивал меня наизнанку, а безграничное унижение рождало самые отвратительные мысли.

Я решила ехать в ближайший ночной клуб, но тут увидела, как из магазина вышел мой бывший одноклассник Леонид. Выскочив из машины, я подбежала к нему. Сказать, что я ему обрадовалась, значит совершенно ничего не сказать. Я весело рассмеялась и бросилась ему на шею. Когда-то мы были закадычными друзьями, встречали вместе все праздники, устраивали вечеринки и различные пикники. А затем мы повзрослели. Окончили школу и каждый зажил своей жизнью. Правда, некоторое время мы еще пытались созваниваться и встречаться, но это были уже какие-то вялые звонки и встречи. И вот эта, совершенно случайная встреча...

– Нинка! Сколько лет! Сколько зим! Ты стала выглядеть еще лучше! Просто настоящая красавица!

– Так уж и красавица... Глаза зареванные, опухшие...

– А что они у тебя зареванные-то? – Ленька прижал меня к себе и поцеловал прямо в макушку.

– Да так. С мужем неприятности.

– Понятно. Дурное дело нехитрое. В нашем классе уже почти все развелись. Прямо бум какой-то. Не успеют жениться, как уже разводятся.

– Да я не развожусь. Просто возникли семейные трудности. Послушай, Ленька, а я ведь слышала, что ты тоже женился. В другой район переехал.

– Женился, – слегка растерялся мой одноклассник. – Только я тебе говорю, какой-то непонятный бум, меня тоже не миновала эта участь.

– Так ты что, развелся, что ли?

– Развелся. – Ленька тяжело вздохнул и с интересом посмотрел на мою машину.

– А прожили сколько?

– Два года. Совсем небольшой стаж. Такие браки называют пробными.

– А ребенок есть?

– Есть, как без него.

– Вот те на. – Я удивленно присвистнула. – И сколько ему?

– Годик.

– Маленький совсем. А почему развелись?

– Много чего почему. Одним словом не скажешь. Почему люди разводятся?! Наверно потому, что не сходятся характерами. Вот и мы не сошлись.

– А до свадьбы сходились?

– До свадьбы вроде сходились.

– А может, еще не все потеряно?

– Нет, Нинка, уже все потеряно. Это решение у меня окончательное и бесповоротное. Возврата к старому нет и быть не может.

– Понятно. Так ты официально развелся?

– Официально. Жена на алименты не подавала. Решили этот вопрос полюбовно. Я от ребенка не отказываюсь. Буду помогать всем, что в моих силах. – Ленька помолчал и осторожно спросил:

– Послушай, а у тебя дети есть?

– Нет.

– А что так?

– Не получается пока.

– А ты замужем-то сколько?

– Год всего.

– Тогда какие твои годы! Все у тебя получится.

– А я и не сомневаюсь. Только мне что-то пока ребенка не хочется.

– Почему?

– Не хочется пополнять армию матерей-одиночек. Их у нас и так много.

Я посмотрела на Ленькины увесистые пакеты, которые он поставил у своих ног, и обратила внимание на то, что из пакетов торчат бутылки с дорогим джином.

– А ты куда собрался? У тебя что, праздник какой?

– На день рождения еду. А ты? Ты куда собралась?

– А я и сама не знаю... Не знаю, зачем сюда приехала. Хочу в ночной клуб поехать, да рано еще. Может, пока в каком-нибудь кафе посижу.

– Тебе что, вообще деваться некуда?

– Просто домой возвращаться не хочется...

– Так это же здорово!!! – Ленька схватил меня за плечи, на его лице появилась жизнерадостная улыбка.

– Что– здорово?! Что мне домой возвращаться не хочется?!

– Вот именно!

– А что хорошего? Мне кажется, тут радости мало.

– Здорово, что есть прекрасный повод поехать на день рождения вместе, ведь мы с тобой не виделись тысячу лет. Правда, ехать часа полтора, но разве это расстояние для москвичей?! – В глазах Леонида появился озорной огонек.

– А куда ехать?

– В Коломну. Там у моего лучшего друга свой дом. Гулять всю ночь будем. Утром хорошенько выспимся и вернемся. Давай сейчас заедем ко мне, я быстро переодеваюсь, ставим твою машину на стоянку, а поедем на моей. У тебя глаза вон какие, нечего тебе в таком состоянии машину водить.

– Лен, ну ведь я там никого не знаю! Как я поеду?

– Тебе должно быть достаточно, что ты знаешь меня. Там нормальные люди. Я тебя со всеми познакомлю. Поедешь, немного развеешься, отдохнешь от своих семейных проблем. Сутки побудешь без своего супруга, приедешь, глянешь на него совершенно другими глазами. От семейной жизни необходимо отдыхать, иначе она быстро надоедает. Если хочешь, можешь предупредить своего мужа. Скажи, мол, сутки будешь отсутствовать, потому что у тебя неотложные дела.

– Вот еще! Мужа предупреждать... Он же меня не предупреждает, когда делает неположенные вещи...

Я подумала, что сутки, когда я буду отсутствовать, сыграют мне на руку. Муж будет нервничать, переживать, корить себя за то, что случилось. Короче, я дам ему время пострадать и сделать соответствующие выводы.

– Хорошо, еду с тобой.

Ленька радостно похлопал меня по плечу. Затем поднял с земли пакеты и направился к моей машине.

– Через два дома квартиру снимаю, – сказал он, обернувшись. – Давай доедем, а то я что-то с покупками переборщил. Пошел пешком, не думал, что столько всего наберу.

У его дома мы поставили мою машину на стоянку. Ленька наказал охраннику следить за моей ласточкой с особой бдительностью. Пересев в машину Леонида, мы подогнали ее к самому подъезду и поднялись в квартиру.

– Лень, а что ты к матери не вернулся?

– Ну о чем ты говоришь? Я уже не в том возрасте, чтобы с матерью жить. Даже представить не могу, что кто-то будет меня контролировать. Во сколько я пришел домой, что ел, кого оставил у себя на ночь...

Как только мы вошли в Ленькину квартиру, я с жадностью посмотрела на бутылку ликера, которая красовалась на журнальном столе, и произнесла голосом, полным отчаяния:

– Лень, если бы ты знал, как мне сейчас необходимо выпить. Если бы ты только знал!

Леньку не нужно было упрашивать. Он почувствовал мое настроение, тут же налил бокал почти доверху и открыл коробку шоколадных конфет.

– Давай, Нинок, выпей и за меня, и за себя.

– А ты, не будешь?

– Нет. Я на дне рождения свое наверстаю. За рулем пить не хочется. Сейчас гаишников полно. Ты пока выпей, а я быстро переоденусь. Так что у тебя с мужем произошло? – донесся его голос из спальни. – Загулял, что ли?

– Загулял. – Я грустно посмотрела на полный бокал ликера и прослезилась. – Загулял козел, – повторила я и осушила бокал до самого дна. – Секретаршу совратил. А может, она его совратила. Поди разбери, кто кого.

– А у него секретарша есть?

– Есть, будь она не ладна.

– Он у тебя крутой какой, что ли?

– Крутой – это как?

– Я имею в виду при деньгах?

– Ну не при таких больших деньгах... Не банкир. Он фирмой руководит. Больших денег у нас нет, но мы не бедствуем. Квартира. Две машины. Этим летом дачу прикупили. Не особняк и не коттедж, так, летний домик на берегу реки, но для нас это такое счастье! Я даже расплакалась, когда мы его купили. Всегда мечтала иметь небольшой домик на природе.

– Вы долго вместе живете?

– Год неофициально и год официально. В общем, в законе – год.

– Надо же, и уже столько нажили.

– А что мы нажили?! Машину мне муж на свадьбу подарил. Квартира у него была. Я к нему переехала. Правда, ремонт мы вместе делали, потому что к тому моменту, когда мы познакомились, он только-только квартиру купил. А дачу этим летом прикупили. Сели на семейном совете, обсудили, куда деньги вложить, и решили, что в дачу.

– Чем его фирма занимается?

– Продуктами питания. Народ кормит оптом и в розницу.

– Ты с ним где познакомилась? Директора фирм нынче в цене. Находка для любой женщины. А ну-ка колись, где ты со своим сокровищем познакомилась?

– Да какое он, к черту, сокровище, если трахает все, что шевелится...

– И все же скажи, где знакомятся с директорами фирм?

– А тебе зачем?

– У меня сестра младшая подросла. Ей ничего приличное не попадает. Одни сумасшедшие.

– Сумасшедших сейчас полно. Это ты точно заметил.

– Даже намного больше, чем можно подумать. У меня сестра как познакомится – один сплошной анекдот. В последний раз познакомилась на курорте в Турции с таким типом, что ей и вовсе знакомиться расхотелось. Имя у него еще такое редкое – Леопольд. Весь отпуск вел себя так, словно моя сестра его собственность и это он вывез ее на курорт. Он так и не понял, что она совершенно свободная девушка и поехала за свои собственные, честно заработанные деньги. Сестра у меня такая живая, подвижная, на нее мужчины сразу внимание обращают. Сначала этот Леопольд ей показался очень даже нормальным, но чем больше она стала его узнавать, тем больше понимала, что за маской доброты и благодушия прячется человек с кучей чудовищных комплексов, завышенной самооценкой и крайне нездоровой психикой, что ему требуется неотложная помощь. Дочка у него умница и красавица, с моей сестрой сразу сошлась. Приятная девочка во всех отношениях, да только с папой далеко не все понятно.

– Он что, очень сильно напугал твою сестру?

– Напугал – это даже не то слово. На курорте он повел ее в ресторан, который входил в стоимость путевки, намекнул, что она ему очень нравится и что он не прочь бы на ней жениться, только у него есть одно условие, которое она должна обязательно принять.

– Надо же. И какое условие?

– Что он будет исчезать из дома на недели, и она должна не спрашивать, куда он исчезает.

– Бог мой!

– А дальше еще хуже. Он сказал, что у него случаются непонятные приступы, о которых он не хочет рассказывать, и что в это время его не будет дома. И что последний приступ у него был два года назад...

– Ужас какой. Он маньяк?

– Она тоже его об этом прямо в лоб спросила. Мол, ты, случайно, не Чикатило?

– А он?

– А он сказал, что Чикатило сам виноват. Неправильно действовал, поэтому и попался. Мол, в таких делах нужно быть осторожнее и мудрее. А еще он сказал, что у него есть одна странная особенность. Он любит делать добро. Мол, у него очень много знакомых одиноких женщин, которым он вынужден помогать, прямо как врач-психотерапевт. Если такие женщины звонят, он оказывает что-то вроде скорой помощи, бросается по первому зову. С одними достаточно разговора по телефону, с другими посложнее, приходится выезжать на дом и производить психологическую помощь уже на дому. Он прямо так и сказал, мол, ко мне по ночам очень часто звонят одинокие женщины и просят о помощи, и я бросаюсь по первому зову. Сестра даже не поняла, то ли он чудик, то ли сумасшедший.

– Он, случайно, не жигало?

– Она тоже его об этом спросила. Он отрицательно замотал головой и сказал, что он просто лекарь, который делает добро одиноким женщинам. Видимо, мою сестру он тоже причислил к армии одиноких женщин и решил взять на себя право корректировать ее судьбу. А еще он рассказал ей о том, что его пускают в Дом малютки и это здорово, когда пятьсот маленьких детей называют тебя папой, что в Доме малютки он частый гость, ему очень приятно посидеть вместе с маленькими детьми, поплакать и подумать о том, что у него все намного лучше, чем у них.

– Послушай, да он серьезно болен.

– Моя сестра думает, что Господь Бог, прежде чем послать ей нормального мужчину, решил дать испытание мужчиной с нездоровой психикой. Чтобы найти что-то ценное, необходимо покопаться в мусоре...

– Ну а потом?

– После ресторана он пригласил ее в темную аллею и сказал, что хочет ее поцеловать.

- Почему именно в темную?
- Потому, что в светлой он не целуется.
- И что сделала твоя сестра?
- Испугалась, подумала, что это будет ее последняя темная аллея в жизни и что он обязательно ее расчленил. – Из спальни послышался громкий смех Леонида.
- Кто бы мог подумать, что такие экземпляры на самом деле встречаются! – Я замотала головой и тоже прыснула со смеху. – А почему она его сразу не послала?
- Я же тебе сказал, она очень хорошо воспитана.
- А что было после курорта?
- После курорта он принялся ей звонить, ну а она отвечала на эти звонки. Он никуда ее не приглашал. Ни в ресторан, ни в кафе, ни в парк. Он просто требовал, чтобы она регулярно ему звонила и отчитывалась о своей жизни. Говорил, что испытывает к моей сестре отцовские чувства и несет за нее ответственность. Когда она ему не звонила, он начинал изводить ее звонками сам. Носился с ее фотографиями по разным организациям, где раньше работал, и рассказывал, как замечательно провел отпуск, с какой замечательной девушкой познакомился. Потом позвонил сестре и сказал, что все в один голос сказали ему о том, что он очень хорошо пристроился на этом курорте.
- Прямо так и сказал «пристроился»?
- Прямо так и сказал. Мол, на курорте «все включено», и женщина у него включена тоже. А еще он сказал, что моей сестре повезло.
- В чем?
- В том, что на этом курорте она имела честь познакомиться с таким великим и могущественным человеком, как его Величество Леопольд, и все женщины на его прошлой работе завидуют, что весь отпуск рядом с ним были не они.
- Так это же болезнь! Она называется мания величия и совершенно не лечится. Он же опасен для общества!..
- Сестра тоже так считает.
- Этот Леопольд такой крутой? Отчего у него так сильно завышена самооценка и так башню сносит?
- В том-то и дело, что крутизной там даже и не пахло. Своей квартиры нет. Машины нет. Живет с мамой, ездит общественным транспортом. Зато есть огромное самомнение и куча нереализованных амбиций. Все, что он мог предложить моей сестре, так это баночка аджики, которую сделала его мама, и фотографии, которые он напечатал после отпуска. Короче, набивался приехать к ней на квартиру. При этом в каждом разговоре постоянно намекал на то, что он пуп Вселенной. Затем стал посылать какие-то непонятные сообщения на мобильный, мол, что в твою пользу или что-то типа того.
- А что это означает?
- Это понятно только ему. Люди с нездоровой психикой всегда играют в какие-то игры. Сестра взяла да отправила ему сообщение его же языком, мол, «выхожу из игры, доигрывай сам» и оборвала махом все эти звонки. А на вид нормальный мужчина. Нормальный, если его не знать. От таких нужно держаться подальше. Дочка у него замечательная. Жалко, что моя сестра так и не смогла продолжить с ней дружбу. Девочка редкая... Грустно все получилось. И почему сестра притягивает к себе именно таких людей? Как ни познакомится, так обязательно «экземпляр». Она уже разуверилась, что нормальные мужики вообще бывают.
- Знаешь, когда тебя десять раз бьют по морде, стоит задуматься, может, дело не в том, кто тебя бьет, а в собственной морде... Ты, конечно, извини, что я так сказала, но я это образно говорю...
- Ты хочешь сказать, что моя сестра сама виновата в том, что притягивает сумасшедших?

– Возможно. А она над этим не задумывалась?

– Задумывалась. Просто она очень яркая, очень неординарная, совсем не похожая на всех других, а люди с нездоровой психикой любят все нестандартное.

– После твоего рассказа мне показалось, что я очень удачно вышла замуж. Мой муж по Домам малютки не ходит, приступов у него нет, скорой помощью для одиноких женщин не является и с самооценкой у него полный порядок.

– Цени. А то нарвешься на такого, как Леопольд.

– Ценю.

– Так где ты познакомилась? Хватит моей сестре с психами общаться. Ей нормальный мужчина нужен.

– В сберегательной кассе.

– В сберегательной кассе?!

– В ней самой.

– А что он в ней делал?

– Дорожный налог платил.

– О! Я уже представил ваше знакомство! Это же так романтично. Ты платишь за квартиру, а он – дорожный налог. Кто бы мог подумать... У вас очередь рядом была?

– Совсем нет. Просто я в этой самой кассе работала. Именно я у него квитанцию и взяла. Она была неправильно заполнена. Я заставила его переписывать.

– Ну и что, переписал?

– Переписал. Куда он денется... Только переписал опять неправильно.

– И ты заставила его переписывать еще раз?

– Заставила, да только он опять в нулях на одну цифру ошибся, психанул, покраснел и стал говорить мелкие гадости.

– А ты?

– А я не опустила до его состояния и любезно предложила ему помочь. Переписала квитанцию сама.

– А он?

– А он рассыпался в благодарностях и пригласил меня на ужин. С этого все и началось. Леонид вышел из спальни, и я с восхищением стала разглядывать его костюм.

– Ты оделся, как на свадьбу. Рядом с тобой я как-то... не вписываюсь. Я ведь не собиралась на день рождения. Слишком просто одета.

– Да ладно тебе! – Леонид слегка засмутился и поправил галстук. – На днях купил. Еще ни разу не надевал. Он и вправду мне так идет?

– Идет. Знаешь, на кого ты сейчас похож?

– На кого?

– На принца из сказки.

Как только мы сели в машину, я почувствовала, что выпитый на голодный желудок ликер ударил мне в голову. Носовой платок моментально стал мокрым от слез. Мне было ужасно стыдно. Перекрутив мокрый платок, я сжала его в кулаке и посмотрела на Леню извиняющимся взглядом.

– Извини, ради Бога. Это просто нервы. Я приехала к нему на работу и застучала его с секретаршей. Они были совершенно голые. Он еще нес какой-то бред по поводу того, что это совершенно не то, что я думаю...

Мои колени задрожали, и я подумала, что, если бы я встала, у меня бы тут же подкосились ноги.

Ленька положил руку мне на плечо и постарался меня успокоить:

– Ладно тебе убиваться так. Нормальная стандартная житейская ситуация. Не ты первая и не ты последняя, которая в нее попадает.

– Знаешь, а ведь мне всегда казалось, что именно эта ситуация обойдет меня стороной.

– Нам всем кажется, что мы не попадем туда, куда попадают другие. Успокойся. Ты же в школе всегда была самой стойкой. Я никогда не видел, чтобы ты плакала. Неужели муж тебя сломал?

– Никто меня не сломал!

– Тогда улыбнись. Ведь у тебя такая улыбка... От тебя в школе все мальчишки сходили с ума из-за твоей улыбки. Улыбнись!

Я вытерла слезы и улыбнулась.

– Молодец, вот так-то лучше. Ну что, едем?

– Едем!

Я выбросила мокрый платок в окно и громко рассмеялась, и этот звонкий и отчаянный смех совсем не был смехом сквозь слезы.

Глава 3

Пока мы добрались до Коломны, я окончательно успокоилась и почувствовала себя значительно лучше. Леонид что-то весело напевал себе под нос и постоянно меня подбадривал.

– Нинок, я сам недавно развод пережил. Если бы ты только знала, чего мне это стоило! Как видишь, не умер. Бодрствую и даже песенки пою.

– Тяжело было?

– Ну как тебе сказать... Паршиво. Ведь еще кто-то мудрый сказал, что развод – это маленькая смерть.

– Твоей жене тяжелее. Она с ребенком осталась.

– Мне тяжелее.

– Тебе?

– Вот именно, мне.

– Почему?

– Потому что я остался совсем один – без жены и без ребенка.

– Без жены и без ребенка легче по новой устроить свою жизнь, а вот с ребенком намного тяжелее.

– А на кой черт мне надо личную жизнь устраивать?! Хватит, я ее уже наустраивался. Я же тебе говорю, в нашем классе какая-то эпидемия разводов прошла. Не разошлись только те, кто не связывал себя семейными обязательствами.

– Я не развелась. – Произнеся эту фразу, я почувствовала, что в моем голосе нет былой уверенности. – Я еще пока не развелась...

– В том-то и дело, что пока. Мне кажется, ты уже на грани. По крайней мере все предпосылки для этого есть. Я вот когда женился, меня семейная жизнь сразу напрягать начала. Туда не ходи, то не бери... Это ты сделал не так... За это тебе вообще было бы лучше не браться... И так каждый день. То жена пилит, то теща. Говорят, для того, чтобы семейная жизнь была удачной, она должна быть в радость, а она меня с самого первого дня напрягать начала. Я понял, что встречаться с человеком – это одно, а вот жить – совсем другое. Женщины сразу меняются. До свадьбы они одни, а как только замуж выйдут, на женщин перестают быть похожими, становятся настоящими стервами. Сами не знают, чего хотят, им вечно всего мало.

Подъехав к добротному кирпичному дому, Леонид притормозил и приоткрыл окно.

– Ну вот, Нинок, мы и приехали.

Возле дома стояло несколько машин, и это говорило о том, что большая часть гостей уже прибыла.

– Лень, а у кого день рождения?

– Я же тебе говорил, у моего самого лучшего друга.

– Твой лучший друг живет в Коломне?

– Нет. Он живет в Москве. В Коломне дом его родителей. Здесь прошло его детство.

– А родители где?

– Несчастный случай. Разбились на машине в прошлом году.

– Оба?!

– Оба. Отец сидел за рулем. Мать рядом. Отказали тормоза, и машина выскочила на встречную полосу, а там «КамАЗ», который несся на бешеной скорости. Хорошо, что хоть моментальная смерть. Никто не мучился. Правда, хоронить было нечего. Все в лепешку.

– Бог мой, какой ужас!

– В жизни бывает всякое.

– А откуда ты его знаешь?

– Кого?

– Ну, этого друга?

– Серегу, что ли?

– Серегу...

– Нин, да зачем тебе это надо? Достаточно того, что он мой лучший друг. Хороший парень. Мне словно брат. Нет, даже больше чем брат. Ты же ведь догадываешься, что такое настоящая мужская дружба. Это ведь не женская, это что-то намного большее...

– Ты не веришь, что бывает женская дружба?

– Нет. Видел я подруг своей жены. Без слез не глянешь на такую дружбу. Все друг другу завидуют. Так и норовят друг другу подножку подставить. А если кто-то хорошую шмотку купил или удачно вышел замуж, то это все... Конец света. Я такой дружбы не понимаю. Слишком все фальшиво и непостоянно. Мужская дружба совсем другая. По крайней мере она честная и прочная. Друзья друг на друга всегда положиться могут и свое плечо подставить.

– А я даже без подарка... – Я посмотрела в боковое зеркало и поправила растрепанные волосы.

– У нас с тобой целых два пакета виски и джина. По-моему, о лучшем подарке и мечтать не стоит. Нинок, расслабься и ложись во всем на меня. Я тебе говорю, здесь все свои. Будет очень даже весело и интересно.

Я улыбнулась и подумала, что Ленка и в самом деле меня успокоил. Его ненавязчивая поддержка оказалась очень даже своевременной и неоценимой. Если бы он не позвал меня на день рождения, пришлось бы мне немного помыкаться и вернуться домой, а мне совсем не хотелось видеться с мужем.

В доме было шумно, играла громкая зажигательная музыка. Подготовка к предстоящему веселью шла полным ходом. Леонид тут же познакомил меня с виновником торжества, который произвел вполне приятное впечатление.

– Это красавица Нина. Моя бывшая одноклассница, – представил он меня хозяину дома.

Я протянула молодому человеку руку и расплылась в улыбке:

– Нина.

Молодой человек взял мою руку и прикоснулся к ней своими губами.

– Сергей.

Как только наши глаза встретились, я почувствовала какое-то странное волнение.

– Нина, вы очень красивы, – сказал Сергей. Мое сердце забилось с удвоенной скоростью. – Вы даже не представляете, как вы красивы.

– Серега, не приставай до дамы. Она давно и надежно замужем! – Ленка слегка приобнял меня за плечи и повел в большую комнату, где стояли сдвинутые столы, которые ломились от различных хорошо оформленных блюд и красочных бутылок.

– Мы все когда-то были женаты... – философски заметил хозяин дома, идя следом за нами.

– В том-то и дело, что мы когда-то, а она замужем в настоящий момент.

А затем все приглашенные сели за стол, и началась торжественная трапеза. Количество мужчин было прямо пропорционально количеству женщин. В основном преобладали семейные пары. Компания оказалась разношерстной и очень даже веселой. Приняли меня на «ура». Я с удовольствием пила шампанское, поглощала вкусные салаты и думала о том, как же все-таки здорово, что я встретила своего одноклассника, который подарил мне это веселое общение. Ведь если бы сейчас я сидела одна со своей бедой, я бы окончательно и бесповоротно сошла с ума.

Еще совсем недавно мне казалось, что я сдалась. Раньше со мной такого не случалось. Никогда, какие бы обстоятельства на меня ни сваливались. Сегодня едва не была сломлена моя воля. Но, слава Богу, все обошлось. Слава Господу Богу... Теперь я могу совершенно спокойно отдыхать на этом вечере, громко смеяться, поддерживать беседу, кокетничать и стрелять глазами в хозяина гостеприимного дома.

В самый разгар веселья я вновь встретилась взглядом с Сергеем, который сидел напротив и с интересом меня рассматривал. Весело ему подмигнув, я наклонилась к уже изрядно захмелевшему Леониду и спросила полупьяным голосом:

– Ленька, а этот Сергей и правда твой самый лучший друг?

– Я же тебе говорю, почти как брат.

– А он кто?

– Человек, – не понял меня Ленька.

– Это понятно. Чем он занимается?

– Да всем понемногу.

Видимо, Леонид решил, что он очень даже исчерпывающе ответил на мой вопрос, и, взяв соленный огурец, потянулся за рюмкой водки.

– Лень, а что значит всем понемногу? Дворы метет, машины на мойке моет?..

– Ну ты даешь! – Леонид рассмеялся и чуть было не разлил водку. – Разве Серега похож на того, кто метет дворы? Хорошо хоть, что он тебя не слышал. Серега у нас в крупной финансовой компании работает. Начальник какого-то самого крутого отдела. На работе его побаиваются и уважают. Кстати, он карьерист и у него с карьерным ростом полный порядок. Не пройдет и пары лет, как мы увидим его самым настоящим банкиром. Именно такие, как он, олигархами становятся. У него не голова, а калькулятор. Он трудоголик. Трудится с утра до глубокой ночи. У таких, как он, блестящее будущее. Просто еще молодой, ему нужно время, чтобы развернуться. Так что прямо перед тобой сидит будущий олигарх с невероятно большим будущим и невероятно большими амбициями.

– А он женат?

– Серега?! – Ленька рассмеялся и осушил свою рюмку до дна.

– Я что-то смешное спросила? – В моем голосе появились натянутые нотки, выражавшие обиду.

– Серега убежденный холостяк. Его на данный момент только карьера интересует.

– А девушки?

– Девушки только для того, чтобы погулять.

– Он что, тоже бабник?

– А нормальный мужик всегда бабник. Не бабник только импотент. Я тоже бабник...

– Все с вами понятно.

– Да ладно тебе, не кипятись. Я же говорю, Серегу очень сильно карьера интересует. Сейчас мы с тобой наблюдаем становление будущего олигарха. Надеюсь, после того как он станет крутым, нас на свой день рождения тоже приглашать будет и здороваться с нами не перестанет...

Серега почувствовал, что речь идет о его персоне, и поднял бокал виски.

– За вас, ребята! – прокричал он, чтобы услышали за громкой музыкой, и осушил бокал. Мы улыбнулись и в знак солидарности подняли свои бокалы.

– Серега, а ты когда олигархом будешь и с охраной начнешь ходить, с нами не перестанешь здороваться?! – прокричал в ответ на тост Ленька.

– Да ладно тебе, – махнул рукой хозяин дома.

– Нинок, а тебе, видно, мой друг приглянулся, – заметил уже в конец захмелевший одноклассник.

– Нет, с чего ты взял?

- С того, что у тебя глаза горят.
- Не говори ерунды. Они у меня всегда горят.
- Странно, когда я увидел тебя возле магазина, они были тусклыми.
- Они потускнели оттого, что тогда так сложились обстоятельства.
- А сейчас?

А сейчас обстоятельства сложились совсем по-другому.

В этот момент Леньку отвлекла сидящая с противоположной стороны девушка, а я опять посмотрела на Сергея, который просто не сводил с меня своих изучающих глаз. Он смотрел на меня в упор, но при этом совершенно не волновался. Он улыбнулся, и я подумала, что с такими красивыми и ровными зубами можно запросто рекламировать зубную пасту. Я улыбнулась в ответ и, подняв под столом свою ногу, провела тонкой шпилькой между его ног. Виновник торжества тут же прекратил улыбаться, в его взгляде появилась растерянность. Ощувив небольшую победу, я сделала самое серьезное выражение лица и начала водить своим каблуком между его ног еще активнее. Молодой человек покраснел и тяжело задыхался. Мне даже показалось, что в подобной ситуации он никогда раньше не был. Я поняла, что очень сильно хочу этого полужнакомого мужчину. Я хочу быть с ним ближе, и я хочу отомстить своему мужу. А еще я страстно хотела с ним говорить. Я хотела его слушать. Я хотела ему поплакаться, рассказать обо всем, что вызывало у меня слезы. Как застала своего мужа с секретаршей... Как мне было плохо и как я танцевала в одиночестве... А так же о том, как во втором классе Ленька дразнил меня то каланчей, то длинноногим страусом, и я ударила его учительской указкой по голове так сильно, что у него пошла кровь. Учительница тут же устроила собрание, целью которого было мое раскаяние и вымаливание у Леньки прощения. Но тогда я не попросила прощения. Я сказала, что после того, как я ударила Леньку указкой, я почувствовала облегчение, радость, прилив необычайного счастья, и что если он будет дразнить меня и дальше, то я не только рассеку его голову, но и сделаю что-нибудь посерьезнее. Мне захотелось все это ему рассказать, а еще мне захотелось, чтобы он внимательно меня выслушал и поверил мне. Я представила себя в его жарких и длительных объятиях и почувствовала, как закружилась моя голова. Именно он мог бы стать для меня отдушиной.

Раньше я постоянно хотела выглядеть перед мужчиной намного лучше, чем есть на самом деле. Мне хотелось надеть свое самое нарядное платье, свои самые дорогие туфли, показать, какая я ухоженная и элегантная, как уложены мои волосы и какой замечательный макияж я себе сделала. А сегодня, после всех событий, которые произошли совсем недавно, я знала, что выгляжу не самым лучшим образом, что мои глаза еще совсем не отошли от слез, а лицо не потеряло чрезмерную бледность, но я не старалась выглядеть лучше. Я хотела быть такой, какая я есть. Если этот мужчина не сводит с меня глаз, значит, мне совсем не нужно надевать свои украшения, делать яркий макияж... Он воспринимает меня такой, какая я есть, и он смотрит на меня так, словно никогда не встречал лучше.

Мои мысли метались, голова пылала. Я сидела неподвижно, стараясь побороть хаос чувств. Я чувствовала двоякое желание. Мне очень сильно хотелось обладать этим человеком и одновременно бежать от него, бежать без оглядки, не оборачиваясь назад. Я застыдилась собственных мыслей, старалась прогнать их прочь, понимая, что меня просто заносит. Наверно, меня заносит от алкоголя. И все же... Все же, если еще совсем недавно я считала, что моя жизнь кончается, то сейчас мне казалось, что она только начинается и в ней должны произойти изменения. Согласитесь, не каждый день встретишь мужчину, от которого может забиться сердце. Самое хорошее совсем не позади. Самое хорошее еще впереди...

Леонид словно услышал мои мысли и вновь наклонился ко мне:

– Нинок, а ты помнишь, как ты меня в школе учительской указкой ударила? Мне еще тогда голову зашивали.

– У меня с памятью нормально. А ты почему про это вспомнил?

– Я ж тебя называл страусом длинноногим, а ты меня за это шарахнула. Дура! Радоваться надо было. Я же самый первый заметил, что у тебя ноги длинные.

Леонид замолчал, посмотрел на меня, потом на своего друга и на ушко спросил:

– Нинок, я смотрю между тобой и Сергеем что-то происходит...

– И что происходит?

– Мне кажется, что назревает новый роман и новое большое и светлое чувство.

В этот момент Сергей встал и пригласил меня танцевать. Я положила руки ему на плечи и слегка задрожала, как только он сомкнул руки на моей талии.

– И почему Леонид так долго вас скрывал от меня? – Сергей наклонился так близко, что я едва справлялась с волнением.

– Потому что я сама не виделась с ним тысячу лет.

– Я очень рад, что вы с ним увиделись.

– Почему?

– Потому что, если бы вы не встретились с Леонидом, я бы не встретился с вами. Знаете, когда я вас увидел, сразу вспомнил отрывок из Шиллера.

– И что же сказано у Шиллера?

– Прочитировать дословно?

– А почему бы и нет?

– «В ее чудных глазах, устремленных на меня, видна любовь к другому».

– Что вы имеете в виду?

– Мне очень жаль, что вы любите своего мужа...

– Знаете, мне совсем не хочется обсуждать эту тему.

– Хорошо. Тогда ответьте мне на вопрос.

– Задавайте. – Я тяжело задышала и в первый раз в жизни пожалела о том, что я замужем.

– Я могу питать какую-нибудь надежду? – Мне показалась, что в этом вопросе прозвучал крик души и захотелось как можно правильное ответить, рассказать правду о своей семейной жизни, о том, как мне в последнее время холодно и одиноко, о том, что от моих прежних чувств остался только звук, потому что тот, кого ты боготворил, на тебя откровенно плюнул. Мне захотелось сказать ему многое. Хотелось кричать, но мой крик остался в моей душе.

– Конечно, человек всегда живет надеждой.

– Вы уверены?

– С некоторых пор я уже ни в чем не уверена.

– Кстати, а как насчет того, чтобы перейти на «ты»? – Сергей притянул меня к себе и задал свой вопрос таким проникновенным голосом, что я ощутила, как сильно закружилась моя голова.

– Запросто.

Даже сквозь громкую музыку я отчетливо слышала его прерывистое дыхание и учащенные удары его сердца. Когда он нежно поцеловал меня в лоб, я слегка запрокинула голову и тихо спросила:

– Кстати, а как насчет того, чтобы оставить в доме гостей и куда-нибудь ненадолго уединиться?

– Ты имеешь в виду соседнюю комнату?

– Именно ее я и имею в виду...

Сергей взял меня за руку и вывел из шумного зала...

Когда мы очутились в самой дальней комнате на большой широкой кровати, я почувствовала такое нестерпимое желание близости, какое не испытывала давно. Это желание обрело конкретную форму, конкретное содержание. Раньше я никогда не позволяла себе баб-

ской эмоциональности, всегда умела владеть своими ощущениями и своими чувствами, но сейчас... Сейчас я не хотела собой владеть. Я хотела только обладать... Обладать единственным мужчиной. Обладать настолько, насколько это возможно... Не долго думая, я сбросила одежду и подошла к слегка растерявшемуся от моей чрезмерной активности Сергею.

– Я хочу тебя, – сказала я и, обвив шею мужчины руками, заглянула в его глаза.

– Ты в этом уверена?

– Я никогда и ни в чем не уверена. Но сейчас я хочу улететь с тобой в неведомое космическое пространство, упасть в глубину моря, оказаться на вершине самой высокой горы, свободной птицей улететь в небо... Я хочу тебя любить и забыть свое горе...

– Ты хочешь забыться?

– Я хочу вступить с тобой в любовную схватку!

Самообладанию Сергея оставалось только позавидовать. Он медленно снял рубашку, расстегнул брюки и посмотрел на меня задумчивым взглядом:

– Ты уверена, что сейчас не очень пьяна и ни о чем завтра не будешь жалеть?

– Я никогда ни в чем не уверена...

Я закрыла глаза. Лед тронулся... Сейчас я отдамся совершенно незнакомому мужчине. А ведь еще совсем недавно у меня не было даже такой мысли. Еще вчера мне казалось, что я живу в сказке, и я даже подумать не могла, что эта сказка когда-нибудь может закончиться. Я жила в сплошном празднике, который начинался в моей душе сразу, как только я открывала глаза. Мой муж всегда говорил мне, что я настоящая женщина, и я старалась ею быть. Я никогда не портила его жизнь бабским нытьем и различными укорами. Когда он возвращался с работы, я бежала навстречу, крепко обнимала его и радовалась оттого, что он пришел, что мы вновь вместе. Когда Сергей разделся и притянул меня к себе, я блаженно закрыла глаза и застонала от нахлынувшего на меня желания. А дальше... Я не сразу поняла, что произошло дальше. За стеной послышался страшный шум, похожий на автоматную очередь, и крики. Крики... Эти крики не были криками о помощи. Это были крики леденящего ужаса и всепоглощающего страха...

Сергей швырнул одежду на пол и стал засовывать ее под кровать.

– Что происходит? – Я бросилась к двери, но Сергей повалил меня на пол и толкнул в сторону кровати.

– Куда собралась, дура?! Лезь под кровать.

– Под кровать?!

– Лезь под кровать, а то поздно будет.

Не помню, как вместе со своей одеждой мы очутились под кроватью. В тот момент, когда Сергей сбил меня с ног, я больно ударилась об пол и рассекла нижнюю губу, из которой фонтаном брызнула кровь. Но это было не главное. Дом наполнился каким-то свистом, звонком разлетающихся стекол, непонятной копотью. Я задрожала, мое тело сводили судороги. Послышалась новая автоматная очередь. Сергей закрыл мне рот ладонями, предупреждая мой крик. Не прошло и минуты, как открылась дверь, и я увидела три пары ног.

– Тут никого нет! – послышался грубый мужской голос.

– Может, кто под кроватью спрятался или в шкаф залез?

– Пробей на всякий случай. Времени нет. Пора уходить. В доме пусто.

Автоматная очередь прошла по платяному шкафу и по кровати. Странно, но она просто чудом нас не задела... Просто чудом...

Глава 4

Не знаю, сколько времени мы пролежали под кроватью, я просто потеряла ему счет. Я лежала лицом вниз и, только когда наступила полнейшая тишина, потихоньку подняла голову. Именно с этой наступившей тишиной мне показалось, что застыло и само время, а может быть, оно не застыло, но с этой минуты начался совсем другой отчет. Мы с Сергеем посмотрели друг на друга. Первым пришел в себя Сергей:

– Ты как?

– Не знаю, – судорожно пожала плечами я. Сергей взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

– Нина, послушай меня внимательно. Ты сейчас лежи, пожалуйста, здесь и не вздумай вылезать. Я скоро вернусь.

– Ты куда? – Я сжала руку Сергея как можно сильнее. Он понял, что я очень боюсь остаться одна.

– Я ненадолго. Хочу посмотреть, что случилось. Сейчас вернусь.

– Я с тобой.

– Я не могу тобой рисковать. Я должен убедиться, что в доме никого нет.

Посмотрев на Сергея беспомощным взглядом, я тихонько всхлипнула.

– Ты говоришь, что в доме никого нет... Как же так, ведь столько народу было?! День рождения все-таки. Там Ленька, твой друг, мой одноклассник... Послушай, музыка не играет. Почему не играет музыка? Ведь было очень весело. Все танцевали. Когда мы с тобой уходили, все танцевали. Я хорошо помню, что все танцевали. Ленька заигрывал с соседкой по столу. Кормил ее с ложечки и украдкой смотрел на мою реакцию. Сереж, почему не играет музыка?

– Наверно потому, что закончился диск.

– А почему никто не поменяет диск?

– Не знаю. Наверно потому, что менять некому.

– Как это, некому? А где все?

– Нина, я ничего не знаю. Я же был здесь с тобой. Сейчас все узнаю.

– Ты хочешь оставить меня одну?

– Я ненадолго.

– Почему в доме так тихо? Почему никто не смеется? – Я почувствовала, что еще немного, и у меня начнется истерика. Меня слегка затошнило и помутнело в глазах.

– Наверно потому, что все спят...

– Спят?!

– Спят. Нина, лежи здесь, я пойду посмотрю, может, кому-нибудь еще можно, успеть оказать помощь.

– Помощь?!

– Вот именно помощь.

Я вцепилась в Сергея мертвой хваткой и затряслась как в лихорадке.

– Сереж, я здесь одна не буду! А вдруг ты уйдешь и больше не вернешься?! Вдруг эти люди сюда вернутся?!

– Какие люди?

– Те, у которых автоматы... Которые стреляли по кровати и шкафу.

– Обычно они не возвращаются...

– А вдруг вернутся?!

– Именно поэтому я и прошу тебя остаться здесь.

– А если с тобой что-нибудь случится?

– Тогда ты дождешься, пока прибудет милиция, и только тогда вылезешь из своего укрытия.

– Я с тобой...

Поняв, что со мной бесполезно спорить, Сергей освободился от моих настойчивых рук и вылез из-под кровати. Я выползла следом за ним и тут же почувствовала, как затекло мое тело. Ноги были ватными, казалось, я просто разучилась ходить. Мы были совершенно голые, но просто не замечали этого. Когда мы открыли дверь и вышли из спальни, я вскрикнула и чуть было не лишилась рассудка. Везде была кровь. Вся комната, в которой еще совсем недавно шло шумное веселье, была залита кровью... Кровь была на лицах, на костюмах, на вечерних платьях, на рубашках, на руках... Было тихо, только у кого-то звонил мобильный, а этот кто-то даже при самом большом желании не мог ответить на вызов...

– Все спят. – Я не узнала свой собственный голос. Он стал каким-то глухим и грубым. – Все крепко спят...

Я подошла к спящему Леньке, голова которого лежала на столе рядом с простреленной головой девушки, совсем недавно оказывавшей ему знаки внимания. Автоматная очередь пробежала прямо по их затылкам. Взяв Ленькину руку, я попыталась нащупать пульс, но после всего, что произошло, его не могло быть.

– В живых никого не оставили, – гробовым голосом сделал заключение Сергей и, взяв лежавший рядом с Ленькой мобильник, стал нажимать на кнопки.

– Ты куда звонишь?

– В милицию.

– В милицию?

– Конечно. Если бы это был не мой дом, мы просто хлопнули бы дверью и уехали, но так как я хозяйин, я просто обязан вызвать милицию.

Пока Сергей объяснял дежурному, что здесь произошло, и называл свой адрес, я взяла другой мобильный телефон, который не замолкал ни на секунду с того момента, как только мы вошли в зал. Сама не зная зачем, я нажала «ОК» и, проглатывая слезы, произнесла:

– Да, слушаю.

– А кто это? – послышался детский голос.

– Это Нина.

– А где моя мама?

– Мама сейчас не может подойти к телефону.

– А папа?

– Папа сейчас тоже не может подойти.

– Родители обещали приехать ровно в двенадцать, а уже первый час. – Детский голос был близок к истерике. – Мама позвонила, сказала, что они скоро приедут и чтобы я ложилась спать, но я не могу лечь спать, мне очень страшно. Я жду своих родителей.

– А у тебя есть бабушка?

– Есть.

– А где она?

– У себя дома.

– А где ее дом?

– В другом районе.

– Позвони бабушке и скажи, чтобы она срочно к тебе приехала.

– А зачем?

– Затем, чтобы тебе не было страшно.

– А где мои родители?

– Они задержатся. Только обещай мне, что сейчас ты позвонишь бабушке. Обещаешь?

– Обещаю, – растерялся ребенок.

– Вот молодец. Как только папа с мамой освободятся, они сразу к тебе приедут.

Почувствовав, что я больше не могу врать, я выключила телефон, бросила его на пол и, обхватив голову руками, громко, по-бабьи, заревела. Я чувствовала, как оттаивают мои мысли, которые еще совсем недавно были будто замороженные. Я сразу поняла, что сейчас осталась жива по счастливой случайности, что, если бы мы с Сергеем не решили уединиться в спальне, я бы уже лежала вместе со всеми с простреленной головой.

Подошел Сергей, обнял меня и попытался успокоить:

– Нина, сейчас сюда приедет милиция. Успокойся, пожалуйста, скоро здесь будут сотрудники милиции...

– И что будет?

– Да ничего не будет.

– Что она сделает?

– Ничего она не сделает.

Взволнованный Сергей вытер мои слезы и посмотрел мне в глаза. Встретившись с ним взглядом, я поняла, что он с трудом сдерживается, чтобы не разрыдаться вместе со мной.

– Если бы ты только знала, сколько сегодня у меня погибло друзей... Если бы ты только знала...

– А кто их убил? Кто были эти люди?

– Я не знаю. Я вообще ничего не понимаю...

– Сережа, ты веришь в Бога?

– Верю, – тихо сказал Сергей.

– И я верю. Вот только не пойму, почему Бог это допустил. Ведь он же всегда за справедливость. Как же можно было такое допустить?

– Бог их накажет.

– Он должен был этого не допустить...

– Зачастую люди сами не ведают, что творят, и идут против воли Божьей. Бог никому ничего не должен. Он их накажет, вот увидишь, он их накажет...

– Послушай, ведь даже подумать страшно, что все эти люди ехали сюда для того, чтобы встретиться с собственной смертью. Наряжались, надевали вечерние платья, костюмы, покупали цветы, дорогие подарки, целовали своих детей и говорили, что скоро вернуться... А почему же мы с тобой остались живы? Почему?

– Мы остались живы по великой случайности.

– А разве можно остаться живыми по случайности? Можно умереть по случайности, но чтобы остаться живыми...

– Выходит, что можно.

Я посмотрела на свои руки и увидела, что они в крови: я пыталась нащупать хоть у кого-нибудь пульс, везде натыкалась на кровь... Милиция примчалась очень скоро и была поражена тому, что увидела. Я стояла совершенно голая, смотрела на людей в форме глазами полными слез и не понимала, что я раздета. Не понимала. Когда один из сотрудников милиции предложил мне одеться, уже одевшийся Сергей взял меня под руки и отвел в спальню, чтобы я смогла привести себя в божеский вид.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо спросил он, бережно помогая мне одеться.

– Паршиво.

– Нам придется всю ночь давать показания. Дождемся, пока дом покинет милиция и увезут трупы. Потом я отвезу тебя. Ты сможешь?

– Что?

– Сможешь давать показания?

– Я не хочу ничего давать. Я ничего не видела.

– Так и говори, что ничего не видела, что когда случилась трагедия, ты была под кроватью.

Давая показания, я говорила чистую правду и искоса наблюдала за тем, как из дома начинают уносить тела погибших. Я говорила, что ничего не видела, потому что все время находилась под кроватью, и что сегодня я уцелела по счастливой случайности, потому что захотела остаться наедине с понравившемся мне мужчиной. Когда меня спросили, замужем я или нет, я робко ответила, что замужем и точно так же робко продиктовала свой домашний адрес. Когда люди в форме принялись рассматривать ту кровать, под которой мы прятались, они были очень удивлены, потому что она вся была иссечена пулями. Как в нас не попали, оставалось загадкой. Милиционеры непонимающе качали головами и говорили, что мы оба родились в рубашках и что сегодня у нас второй день рождения, у нас не было шансов спастись. Странно, но у нас не было ни единой царапины. В их глазах читалось даже какое-то недоверие.

Меня еще о чем-то спрашивали, искали хоть что-то, за что можно было зацепиться, давали листок и просили нарисовать те три пары ботинок, которые я видела. Но у меня ничего не получалось, потому что после того, как я увидела иссеченную пулями кровать, я стала плохо соображать. Помню только говорила, что поехала со своим одноклассником на день рождения, и что когда я ехала в эту компанию, никого, кроме него самого, не знала.

– А как же виновник торжества по имени Сергей? – Оперативник прищурил глаза и посмотрел на меня проницательным взглядом. – Как же он? Вы были знакомы с ним ранее?

– Нет, – замотала я головой. – Сегодня я увидела его в первый раз.

– В первый раз?

– В первый.

– Вы видели человека в первый раз в жизни и пошли с ним в постель?

Оперативник неприятно усмехнулся и посмотрел на меня все тем же подозрительным взглядом. Видимо, в наших «органах» так всегда. Независимо от того, кто ты – потерпевший или преступник – ты заслуживаешь только подозрительного взгляда, напрочь лишенного хоть какого-нибудь сострадания.

– Да, пошла. А что, в постель нужно идти со второго раза?

– Мне кажется, что в постель люди должны идти только тогда, когда они достаточно хорошо друг друга знают и между ними есть определенные чувства.

– Вы рассуждаете по старинке. Сейчас на подобные вещи смотрят иначе.

– Возможно. Наверно именно то, что вы смотрите на подобные вещи иначе, чем я, вас и спасло. – Оперативник по-прежнему не сводил с меня своих недружелюбных глаз.

– Скажите, а вы не знали, чем занимался ваш одноклассник?

– В смысле?

– В смысле того, где он работает и какими делами крутит?

– Нет. Мы про это не говорили. Я же вам объясняю, мы очень давно не виделись.

– Слишком давно не виделись, а когда встретились, вам было совсем неинтересно узнать, чем занимается ваш старый друг?

– Я об этом как-то не подумала... А что, он занимается, вернее, нет... – Я замолчала, а затем продолжила: – Он занимался чем-то противозаконным? – Мне было тяжело привыкать к тому, что теперь я должна говорить о своем однокласснике в прошедшем времени.

– Это мы хотели бы уточнить у вас.

– Но я не располагаю такой информацией... Простите, но мне кажется, я ни чем не могу вам помочь.

Когда так называемая беседа наконец-то закончилась – оперативник понял, что я не могу внести хоть какую-нибудь ясность в это дело, – я оперлась о стенку и закрыла глаза. В висках пульсировала кровь, перед глазами один за другим возникали люди, насквозь про-

битые автоматной очередью. Мне даже стало казаться, что я вижу, как их расстреливают... Вижу эти пули, похожие на черные молнии. Я все это вижу, все это чувствую и принимаю чужую боль...

– Нина, ты в порядке?

Я открыла глаза и увидела стоящего рядом с собой Сергея.

– Разве я могу быть в порядке после того, что произошло?

– Ты держишься молодцом. Народ потихоньку вывозят.

– Леньку уже увезли?

– Леньку увезли.

– Жалко, я ведь с ним даже попрощаться не успела.

Когда мы остались с Сергеем вдвоем, он подошел к столу, который просто ломился от давно уже остывших блюд, налил себе полный стакан водки и выпил его одним махом. Засунув в рот соленый огурец, он посмотрел на меня заметно покрасневшими глазами и произнес:

– Ты не смотри, что я водки выпил. Я обещал тебя домой отвезти, значит, отвезу. Можно ехать. Начало светать.

– Но ведь ты же выпил водки?! Целый стакан!

– Я могу выпить бутылку...

– Это много.

– Ничего страшного. Я могу вести машину в любом состоянии.

Я вновь посмотрела на столы и неуверенно спросила:

– А со всем этим что делать?

– Оставьте все, как есть.

– Ты сюда скоро вернешься?

– Не знаю, смогу ли я вообще сюда вернуться... Пока я к этому не готов.

– Ты предлагаешь оставить все, как есть?

– Вот именно.

– Но ведь все протухнет... Представляешь, что будет в этой комнате, когда ты решишь сюда вернуться?

– Ты хочешь убрать? У тебя есть силы, чтобы все убрать и перемыть посуду?

– У меня нет таких сил, – честно призналась я и опустила глаза.

– Даже если бы они у тебя были, я бы тебе никогда не позволил. Я оставлю ключи соседке. Она постарается сделать все возможное, чтобы этот дом как можно меньше напоминал о той страшной трагедии, которая в нем произошла...

– Что ты будешь делать с домом в дальнейшем?

– Не знаю. Я об этом еще не думал.

– Даже если ты и захочешь его продать, его вряд ли кто купит. После такой трагедии его не продашь даже за гроши.

– Я не могу его продать. Здесь прошло мое детство.

Окинув прощальным взглядом некогда гостеприимный дом, мы вышли на улицу. Пока Сергей отдавал ключ соседке, я не без боли в сердце смотрела на припаркованные к дому машины и с ужасом понимала, что они уже никогда не дождутся своих хозяев. Остановив свой взгляд на машине Леонида, я тяжело вздохнула и почувствовала, как на глаза навернулись слезы...

– Нин, ну что, поехали?

– Что будет с этими машинами?

– Родственники приедут и заберут.

– А с Ленькиной?

– У Леньки тоже есть родственники.

Уткнувшись головой в мощную грудь Сергея, я застонала и еле слышно произнесла:

– Мне страшно.

– Уже нечего бояться. Самое страшное позади. Все обошлось.

– Мне страшно оттого, что к тебе я ехала с Ленькой, а уезжаю одна. Мне страшно, потому что его больше нет.

Мы сели в Сережкин джип, я почувствовала себя значительно лучше и немного расслабилась. Я и сама не знаю, почему его мощная красивая машина подействовала на меня подобным образом. Возможно, потому что я почувствовала себя в безопасности и поняла – мне больше ничто не угрожает. Джип вызывал на дороге двойное чувство – как уважение, так и опасение. Его боялись. Ему уступали дорогу... А его хозяин не обращал внимания ни на дорожные знаки, ни на правила дорожного этикета. Он громко сигналил, гнал машины в другой ряд, несясь с бешеной скоростью, перестраивался тогда, когда считал нужным, и откровенно кого-нибудь подрезал.

Мы ехали молча, не проронили ни единого слова. Наверно, каждый из нас думал о чем-то своем. Каждому хотелось разобраться со своими чувствами наедине с самим собой. Не знаю, о чем думал Сергей, но я думала о Леньке, о том, что в школьные годы мы были по-настоящему дружны. Между нами не было никаких «личных» чувств. Ни детских, ни юношеских и уж тем более повзрослевших. Мы просто дружили и испытывали друг к другу братские чувства. У нас были, если так можно сказать, товарищеские отношения. Хотя... В эту встречу мне показалось, что Ленька испытывает ко мне нечто большее, чем просто дружеские чувства... Я уже давно стала женщиной, а женщина всегда чувствует душу мужчины. Он смотрел на меня глазами, в которых была грусть, тоска по чему-то давно ушедшему, которое уже никогда не вернется... Может быть, у него это со школьной скамьи? Может быть, он это просто умело маскировал? Может быть, я значила для него больше, чем просто одноклассница? От этих мыслей у меня стала разламываться голова, и я почему-то вспомнила тот давний случай, когда Ленька набрал мой номер телефона и сказал, что он женится. Он не приглашал меня на свадьбу, не говорил о том, что счастлив и как ему повезло... Он просто сказал одну-единственную фразу: «Нина, я женюсь», и ничего более. Я пожелала ему счастья, сказала, что очень за него рада, и положила трубку. А ведь этот звонок что-то значил. Я просто не поняла тогда.

– О чем думаешь? – нарушил ход моих мыслей Сергей.

– Обо всем и ни о чем...

– Ты думаешь о Леньке?

– Откуда ты знаешь?

– Догадываюсь. Ленька был отличным парнем.

Увидев Москву-реку, Сергей съехал с основной трассы и поехал по боковой дороге в сторону реки.

– Давай немного посидим у воды...

– Давай, – с радостью согласилась я. Сама не знаю, чему обрадовалась. Может, просто не хотелось расставаться.

Поставив машину у самой реки, мы подошли к воде и сели на корточки. Я бросила небольшой камешек и смотрела на расходящиеся круги.

– А ты знаешь, Ленька был в тебя влюблен... – Голос Сергея был крайне взволнованным.

– Откуда ты знаешь?

– Он мне об этом говорил.

– Тебе?!

– А почему это так удивляет? Мы с ним были друзья. Нормально, когда друзья друг с другом делятся.

- А почему он говорил тебе, а не мне?
- Не знаю. Наверно боялся...
- Чего боялся?
- Говорить о своих чувствах.
- А разве можно бояться говорить о своих чувствах?
- Выходит, что можно.
- Я этого не понимаю.
- Ты хочешь сказать, что, если бы ты что-то к кому-то чувствовала, обязательно сказала бы это вслух?
- Конечно.
- Я не разделяю твою точку зрения.
- Жизнь и так коротка. Только на первый взгляд кажется, что она очень длинная, а ведь она очень даже короткая. Такая короткая, что оглянуться не успеешь, как она закончится. Я считаю, что если есть чувства, то их никогда нельзя скрывать и прятать.
- По-твоему, чувства нужно выставлять на показ?
- Не обязательно. Я просто за то, что их нельзя прятать. Если они есть, о них необходимо говорить.
- Ты рассуждаешь о взаимных чувствах. А если нет взаимности? Что тогда? Если тот человек, которому ты хочешь сказать о них, не думает их принять? Если эти чувства не вызовут ничего, кроме раздражения? Это же удар по гордости и самолюбию. С чувствами надо быть осторожными, потому что взаимность – довольно редкая штука. Очень редкая.
- И все же о чувствах нельзя молчать, – стояла я на своем. – Даже если они не нужны тому человеку, к которому ты что-то чувствуешь.
- Ты хочешь сказать, что, если бы Леонид сказал тебе о своих чувствах, ты бы их приняла?
- Нет. Я бы их не приняла.
- Тогда зачем говорить, если изначально знаешь, что они не нужны?
- Не знаю. Но я должна была о них знать. Я имела на это право.
- И что было бы, если бы ты о них знала?
- Возможно, в моей жизни что-то было бы иначе... Что-то бы изменилось. Пусть не кардинально, но изменилось.
- Это ты сейчас так говоришь, потому что Леньки нет в живых, и ты чувствуешь какую-то необъяснимую вину. Если бы он был жив, все было бы совсем по-другому. Скажи, ты замечала Леньку в школе?
- Конечно, Леньку трудно не заметить.
- Я совсем не это имел в виду. Ты к нему что-нибудь испытывала?
- Ты имеешь в виду чувства?
- Чувства...
- В школе мне нравился совсем другой мальчик. Максим Андриенко. Я была в него влюблена все школьные годы. По-детски страдала, мучилась. А Ленька... Ленька был просто товарищем.
- А что этот Максим?
- Ничего. Он меня даже не замечал, не проявлял ко мне интереса.
- Почему? Разве тебя можно не заметить?
- Выходит, что можно. В детские годы я была некрасива и даже, можно сказать, неинтересна.
- Получается, что ты тайно любила своего Максима, а Ленька тайно любил тебя...
- Получается именно так.
- А почему тебе нравился этот Максим?

– Не знаю. Разве люди нравятся за что-то? Теперь, спустя годы, мои юношеские чувства кажутся мне смешными.

– Тебе за них стыдно?

– Стыдно?! Быть может, и в самом деле стыдно. То, что казалось серьезным, теперь представляется просто смешным. Конечно, стыдно... Стыдно за слезы, за бессонные ночи, за душевные обиды. Стыдно, что я не замечала того, кто очень во мне нуждался и готов был положить к моим ногам целый мир. – Я вновь бросила в воду камешек и посмотрела на небо. – Интересно, сколько уже времени?

– Одиннадцать.

– Сегодня была самая кошмарная ночь в моей жизни.

– В моей тоже.

– Почему сегодня ночью всех убили? – спросила я, с трудом выговорив эти слова.

– Не знаю, – покачал головой Сергей. – Будет расследование.

– Меня не интересует результат расследования. Я хочу услышать твою гипотезу.

– Мою гипотезу... Я сам ничего не понимаю. Думаю, что убили всех из-за кого-то одного, скорее всего, это было заказное убийство.

– Откуда убийцы знали про день рождения?

– Наверное, они были близко знакомы с тем, кого хотели убить.

– Но кого именно хотели убить?

– Не знаю...

Я обхватила голову руками и села прямо на землю.

– Неужели смерть одного человека можно приравнять к смерти многих?

– Я не понимаю, что произошло...

– Зачем расстреливать всех, да еще на дне рождения? Ведь они могли застрелить того, кто им нужен, в подъезде его собственного дома. За смерть одного человека наказание намного меньше, чем за смерть многих. Получается, что люди, хладнокровно расстрелявшие столько народа, просто уверены в своей безнаказанности. Получается так?!

– Получается так. Они были уверены, что не оставят свидетелей, а когда нет свидетелей, очень трудно найти убийц. Они и не предполагают, что двое остались живы.

– Ты хочешь сказать, что мы свидетели?

– Да.

– Да какие мы, к черту, свидетели, если ничего не видели?! Ничего, кроме трех пар ботинок!

– Этого достаточно...

Меня охватил страх, и я тяжело задышала:

– Ты хочешь сказать, что нам угрожает опасность?

– Не знаю, но думаю, тебе не надо выходить из дома без особой надобности хотя бы первое время. И держи со мной связь. Я оставлю тебе номер своего мобильного. Если заметишь что-нибудь подозрительное, непонятное, ты просто обязана мне позвонить.

– Но откуда бандитам знать, что мы были в доме?!

– Я тебя предупредил так, на всякий случай...

– На какой еще «всякий случай»? Да мы же ничего не видели, кроме ботинок! Обыкновенных, ничем не примечательных грязных ботинок стандартного фасона, которые продаются в любом магазине! Правда, я заметила, что у одного были короткие брюки и виднелись непонятного желто-розового цвета носки. Такие носят женщины и маленькие дети... Я вообще не понимаю, как мужик может надеть такие. Может, он голубой?!

– Из голубого вряд ли получится киллер...

– А может, это была женщина?

– Из женщины тоже.

– Ну да... Ботинки-то были не меньше сорокового размера. Сережа, ведь это все, что мы видели...

– Я видел больше.

Я почувствовала, как учащенно забилося мое сердце, оно готово было выскочить из груди.

– Эти люди были в масках.

– Каких?

– Ну, понятное дело, не в карнавальных. Они были в черных масках.

– В тех, в которых совершают убийство?

– Вот именно, в тех, в которых совершают убийство. А еще, они были в робе. В солдатской робе защитного цвета с темно-зелеными разводами.

– Я тоже видела военные брюки. Отец такие на рыбалку надевал. Они продаются в охотничьем магазине. Сережа, но ведь это еще ничего не значит. Мы не видели их лиц, не видели особых примет. Почему нам угрожает опасность?!

– Я не говорю, что она нам угрожает. Я просто хочу, чтобы ты была осторожной. Ты была на месте трагедии... – Сергей говорил так холодно, что по моей спине пробежала дрожь. – Ты была там, где совершено убийство, пугающее своим масштабом. Но ненужно паниковать. Просто береженого Бог бережет. Возможно, мы никому не нужны и до нас никому нет никакого дела. – Сергей обнял меня за плечи и поцеловал в шею. – Я уверен, что все будет хорошо. Самое страшное уже позади. Если мы остались живы, значит, так было угодно Господу Богу. Значит, теперь будет все хорошо. Значит, мы должны жить.

– Сергей, скажи, а Ленька занимался чем-нибудь криминальным?

– Не замечал. Мы с ним очень большие друзья. Если бы что-то было, я бы обязательно знал.

– А может, кто-то из гостей был бандитом?

– До этого дня рождения из гостей я не был знаком только с одним человеком. С тобой. Со всеми остальными очень хорошо был знаком и могу с полной ответственностью заявить, что все эти люди никогда не принадлежали к преступному миру и не занимались чем-то противозаконным. Все они мои близкие друзья.

– Тогда я вообще ничего не пойму.

– Я тоже.

В машине мы молчали, а когда въехали в Москву, Сергей посмотрел на меня грустным взглядом и тихо спросил:

– Ты в каком районе живешь? Тебе куда?

– К Леньке. Я оставила машину на стоянке рядом с его домом.

– А может, заедем ко мне? Выпьем по чашечке кофе? Тебя муж еще не ищет? – При слове «муж» Сергей немного смутился и опустил глаза.

– Не знаю. Я не говорила ему, когда вернусь.

Сергей испытующе посмотрел на меня и положил теплую ладонь на мое колено.

– Может, заедем ко мне? – повторил он свой вопрос.

– Я боюсь.

– Чего именно?

– В первый раз, когда мы решили с тобой заняться любовью, всех перестреляли. Страшно подумать, что может быть во второй раз, если мы... – Я немного помолчала и добавила: – Понимаю, это черный юмор.

– Чтобы ничего не произошло, мы не будем заниматься любовью. Мы просто выпьем кофе. Едем?

Я улыбнулась и подумала, что все написано на моем лице, отражено в моих глазах. Даже если бы я знала, что мне угрожает очередная опасность, я бы все равно занялась любо-

вью с человеком, которого очень сильно хотела. Никогда не думала, что можно кого-то так сильно хотеть.

Сережкина квартира была в старом московском доме и казалась большой благодаря высоким потолкам.

– Прости за беспорядок. Не рассчитывал, что у меня будут гости. Это раньше коммуналка была. Я ее целый год расселял. Думал, вместе с этим расселением сам на тот свет отправлюсь. До ремонта руки еще не доходят.

Сергей повесил пиджак на стул и направился на кухню.

– У тебя очень даже мило.

– Да брось ты. Квартира почти голая. Сначала надо сделать ремонт, а потом уже думать о мебели. На расселение ушло столько сил и средств, что пока у меня передышка. Но ничего, скоро соберусь и отгрохаю такой ремонт, что тебе и не снилось. Приедешь на новоселье?

– Приеду, если пригласишь.

– Приглашу. Мне больше и приглашать некого. Всех, кого я мог пригласить, убили.

Я опустила глаза, кашлянула и спросила:

– Сережа, а где у тебя можно помыть руки?

– В ванной. Вон та дверь. Только не пугайся. В ванне тоже бардак.

Я вернулась на кухню совершенно голая. Сказать, что на лице Сергея было удивление, значит не сказать ничего. Он покачал головой и улыбнулся.

– Господи, какая же ты быстрая...

– А зачем медлить?

– Ты уверена, что, если мы сейчас ляжем в кровать, не взорвется этот дом?

– Я хочу тебя...

– А как же кофе?

– К черту кофе! Я могу попить его дома.

– Но ведь и сексом ты можешь заняться дома, есть с кем. – В голосе Сергея слышалась ревность.

– Я не хочу дома. Я хочу здесь и сейчас.

– А ты сумасшедшая...

Сергей улыбнулся, восхищенно оглядел мое тело и отнес меня на кровать. Я обвила его шею руками и стала страстно целовать мочку его уха. Я никогда не знала раньше, как можно быть пьяной от страсти, но сейчас я познала, что это такое... Для того чтобы быть пьяной, необязательно пить алкоголь, достаточно сильно захотеть мужчину. Я парила, я ничего не слышала, ничего не видела, я могла только чувствовать и кричать от наслаждения. Мне даже показалось, что еще немного, и остановится мое сердце... Уж слишком часто оно билось и слишком сильными были мои оргазмы, они буквально выворачивали меня на изнанку, доводили до сумасшествия и полного истощения.

Когда все закончилось, я долго приходила в себя.

– Сереж, а что это было? – наконец спросила я устало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.